

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВСЕВОЛОД ЛИХАЧЕВ
**НАСЛЕДИЕ
АРТАНОВ**

Annotation

Если вас угораздит встретить на автостраде блондинку, ковыряющуюся под капотом неисправного автомобиля, — ни в коем случае не вздумайте останавливаться! Пронеситесь мимо на полной скорости, иначе вам придется столкнуться с точно такими же неприятностями, с какими столкнулся и главный герой этой книги — приличного вида молодой человек, занимающийся продажей «липовых» земельных участков в Подмосковье. Автомобиль, на первый взгляд самый обыкновенный, на деле оказывается настоящим космическим кораблем, который уносит нашего героя далеко за пределы Солнечной системы. Жизнь в иных мирах далеко не сахар, наш герой то и дело попадает в разные переделки, выбраться из которых ему помогает лишь природная смекалка и неудержимая тяга к жизни.

Всеволод Лихачев

Наследие Артанов

© Всеволод Лихачев, 2017

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФАКНИГА», 2017

* * *

Глава 1

— Хорошо, Андреич, да, я понял. Через шесть часов буду в офисе. У нас какие-то проблемы?

— Да нет, никаких. — Голос шефа звучал несколько устало, больше, чем обычно.

На какое-то время в трубке стало тихо, затем послышался некий характерный звук. Такой, словно кто-то гонял из стороны в сторону стакан по полированной крышке стола.

Я очень ясно представлял себе сейчас эту картину: сидит высохший, убеленный сединами семидесятидвухлетний старик с одутловатым лицом и скрюченными артритом пальцами снова и снова отправляет такой же старый, как и он сам, граненый стакан в недалекое путешествие, которое рано или поздно окажется для того последним. Но нет, звука разбитого стекла не было и на этот раз. Наверняка стакан остановился сейчас у самого края стола, застыл, балансируя над бездной, словно канатоходец.

— Как там Маринка?

— Маринка? Какая Маринка?

— Маринка, невеста твоя... — В голосе Андреича прозвучали отчетливо слышимые нотки удивления.

— Ах, Маринка? Ничего, нормально все у нее.

— Опять поссорились?

— Хуже.

Я выдержал многозначительную паузу, позволяя воображению шефа проделать свою работу.

— Понятно; разошлись, значит.

— Да, можно и так выразиться.

Откровенно говоря, никакой Маринки не было у меня и в помине, как не было ни Наташи, ни Людмилы, не говоря уже об Анастасии и Галине Ивановне. Все эти персонажи были вымышленными и не имели ничего общего ни со мной, ни с кем-нибудь другим из мира живущих.

Естественно, шефу об этом знать не полагалось. Моя насыщенная личная жизнь служила своеобразной ширмой, за которой я мог проделывать свои личные дела, причем преимущественно в рабочее время.

— Вчера собрала свои вещи и ушла. Сразу после того, как мы к ее матери в Миргород съездили.

— Погоди, в какой Миргород? К какой матери? Ты же у нее на прошлой неделе на похоронах был!

А вот сейчас следовало непременно что-то придумать, причем сделать это как можно быстрее, пока замшелые мозги в голове этого реликта позапрошлой эпохи не зашевелиятся со скрипом, оценивая и классифицируя полученную от меня информацию.

Но разум, как назло, был чист. Девственно чист. А значит, снова придется переходить к плану «Б». Мой взгляд словно ненароком переместился на стоящую в ногах пассажирского сиденья сумку, и на душе сразу как-то полегчало. Продажа липовых земельных участков в элитных районах города сдвинулась, наконец, с мертвой точки, и стала приносить реальную прибыль. Пусть небольшую пока — двадцать две тысячи баксов всего, но ведь это только начало; начало, так сказать, новой жизни.

— Алло! Алло! — Трубка в моей руке внезапно вновь заговорила знакомым скрипучим голосом. — Абонент находится вне зоны досягаемости сети. Абонент находится вне зоны досягаемости сети. Абонент находится вне зоны досягаемости сети...

Когда я решил, что тирада, озвученная оператором мобильной связи, слегка затянулась, одним движением пальца отключил диктофон. Поднес мобильник к уху и удовлетворенно хмыкнул, услышав спасительные короткие гудки. План «Б», как всегда, сработал.

Теперь уже ничто не отвлекало меня от моего любимого занятия — вождения автомобиля. И пусть в распоряжении моем была всего лишь старенькая «ауди», которой, похорошему, давным-давно место на свалке, но даже она на приличной трассе в умелых руках могла творить настоящие чудеса. Когда-нибудь, а точнее — в самом что ни на есть скором времени, я прикуплю себе нечто более стоящее, и тогда...

Что будет «тогда» — я додумать не успел. За какие-то доли секунды глаз успел выхватить силуэт автомобиля сразу же за поворотом дороги, нога до упора вдавила педаль тормоза, а руки сами по себе выкрутили руль вправо, заставляя мою старушку выполнить довольно замысловатый акробатический пируэт с тройным переворотом через крышу, и вновь встать на колеса.

...Через какое-то время я нашел в себе силы открыть глаза и пошевелиться. Руки-ноги целы, видимых повреждений нет. Вроде бы нет. Но так ли это на самом деле? Тело — сплошной ком боли: отбито, кажется, все что только можно. Горит огнем копчик, болит грудь — наверняка на ней синюшные кровоподтеки. Сейчас я могу лишь ощущать это: для того, чтобы увидеть, понадобилось бы для начала отстегнуть привязные ремни, что змеями опоясаны вокруг моего тела, а затем, презрев опасность разрыва селезенки или какого-нибудь другого внутреннего органа, извернуться и высадить ногами смятую в лепешку дверь. Можно ли мне сейчас двигаться? Вопрос довольно риторический в свете минувших событий. В салоне крепко пахнет бензином, одной-единственной искры будет достаточно для того, чтобы этот комок металлолома превратился в пылающий факел.

— Мм... — С губ моих самопроизвольно срывается стон.

Удивительно, конечно, но он не остается без ответа:

— Вам нехорошо?

Мне? Мне нехорошо? Это мне-то сейчас *нехорошо*?!

— Да нет, что вы, мне просто отлично. Я здесь отдохнуть прилег. Знаете ли, на улице немного прохладно.

— Ой, простите тогда, что я вас побеспокоила. Я, пожалуй, пойду.

И вправду: совсем рядом послышался удаляющийся цокот каблуков. Дура? Идиотка? Или просто прикидывается?

— А ну стоять!!!

Оказывается, кричать я не могу, получается только тихий шепот. Видимо, что-то с легкими или с горлом. В такую минуту я искренне сожалею, что почти ничего не понимаю в медицине.

Заставить себя повернуть голову стоило мне невероятных усилий, но зато в зеркале заднего вида я смог рассмотреть удаляющуюся женщину. Ну, все понятно: блондинка. Ноги от ушей, белокурые пряди рассыпаны по плечам. Туфли на высоких каблуках-шпильках только подчеркивают идеальную стройность фигуры. Укороченные до минимума синие шорты не в состоянии даже полностью прикрыть бесстыдно выглядывающие из-под них ягодицы. А еще на ней белая облегающая футболка, делающая ее формы настолько

соблазнительными, что... Только сейчас я понял, что мысли мои — вовсе не о том, о чем следовало бы думать в данной ситуации, и если положение дел кардинально не изменится в самом ближайшем будущем, то спина удаляющейся блондинки станет последним, что я увижу в своей жизни.

Всласть выматерившись, я заставил-таки себя оторвать взгляд от зеркала. Так, первым делом следует освободиться от ремней безопасности. Это ведь совсем просто, главное — не заикливаться на рвотных позывах, которые, стоило лишь пошевелиться, стали следовать с завидной периодичностью. Плавно, словно в замедленной киносъемке, правая рука опускается вниз, пальцы ее нащупывают заветную кнопку. Кляц! Первая победа окрыляет, придает дополнительных сил. А теперь — повернуться боком, затем отклониться назад и осторожно опустить голову на пассажирское кресло. Полежать так, не шевелясь, до тех пор, пока перед глазами не перестанут прыгать багровые пятна...

Видимо, на какое-то время я потерял связь с реальностью, поскольку обнаружил себя уже бредущим по шоссе. Вполне целенаправленно, между прочим. Ноги сами несли меня в ту сторону, куда удалилась злополучная блондинка.

А вот и машина. Ее машина. В этом никаких сомнений нет, гламурный фиалковый цвет корпуса говорит сам за себя. Вот только какой она модели, я почему-то в упор не могу разобрать. Да, впрочем, это и не важно. Гораздо больше сейчас меня интересует ее хозяйка, ведь именно по вине этой безмозглой курицы, остановившей свою колымагу у самого поворота, и произошла эта идиотская авария.

— Тварь.

— Вы что-то сказали?

Ну да, а вот и она. Кто б сомневался? Обойдя автомобиль, я обнаружил свою старую знакомую, склонившуюся под открытым капотом, и уже открыл было рот, чтобы высказать все то, что накипело у меня на душе, как вдруг взгляд мой случайно зацепился за ее... нет, не то чтобы мне было интересно, просто я никогда не понимал: зачем так широко расставлять ноги, когда наклоняешься под капотом неисправного автомобиля?

— Ну что там у тебя?

— Не работает, представляете? А ведь ему еще и года нет!

Теперь она повернулась, и я смог увидеть ее лицо. Ага, невинные голубые глаза, легкий румянец, ямочки на щеках, чуть вздернутый подбородок сердечком. От всего ее облика веет наивностью и какой-то чересчур уж излишней утонченностью. Не в моем вкусе, короче, девица. Истинная женщина — это вам не фарфоровая статуэтка, она обязана иметь ширококостное телосложение и развитую мускулатуру, для того чтобы выполнять всю работу по дому, пока мужчина занят более важными делами.

— А вы, я смотрю, уже отдохнули?

Нет, ну она что, реально такая дура или попросту издевается?

Я вновь открыл было рот и едва не задохнулся, сдерживая в себе поток изощренных ругательств. Только сейчас вспомнил, что вокруг нас на многие километры расстилается лес, а по шоссе за все это время не проехала ни одна машина, и вряд ли что-то в этом отношении изменится в ближайшем будущем.

Справившись кое-как с нахлынувшим приступом бешенства, я заставил себя доковылять до автомобиля девицы и тоже заглянул под капот. Мать честная, чего там только не было! Какие-то шестеренки, трубки, металлические детали такой заковыристой конфигурации, от одного вида которых поневоле бросает в дрожь. И все это переплетается, скручивается,

свешивается, стягивается невообразимым адским клубком, заставив меня похолодеть, истуканом застыть на месте, тупо вперившись взглядом в одну точку. Господи, да под капотом даже банка была, в которой ползало что-то фиолетовое!

Тем не менее признаваться в собственной некомпетентности этой гламурной пустышке почему-то отчаянно не хотелось. А потому, напустив на себя максимально деловой вид, я вежливо осведомился:

— В чем проблема-то? Не заводится или топливо кончилось?

К моему удивлению, блондинка ответила вполне уверенно:

— Я думаю, что метеорит попал в топливопровод. Видите?

Действительно, под автомобилем уже начала образовываться довольно значительная лужа.

Слово «метеорит» заставило меня ухмыльнуться. Я уже давно обратил внимание на то, что блондинки в нашем обществе являются как бы отдельной кастой, у которой даже язык свой собственный имеется.

— Метеорит — в смысле, камень?

— Да, наверное, камень.

— Ладно, разберемся. А ты сходи пока к моему автомобилю, если не сложно, и достань из салона черную кожаную сумку. Лады?

— Лады. — Похоже, эта идея с сумкой ей не очень понравилась, но мое обещание отремонтировать машину все-таки перевесило нежелание соваться в готовую вот-вот вспыхнуть покореженную развалюху.

Протечку я нашел достаточно быстро. Трубка этого самого топливопровода по диаметру была весьма невелика, толщиной с указательный палец, а аккуратное круглое отверстие с оплавленными краями, из которого бодро вытекала какая-то белесая жидкость, оказалось и того меньше. Проблема была в другом: чем заделать эту дырку, не имея под рукой буквально ничего, кроме разве что веток, листьев и еловых шишек? И вообще: это же с какой скоростью надо гнать, чтобы выброшенный из-под колес небольшой камень смог пробить металл корпуса да еще и топливопровод в придачу? Более того: крайне заинтересованный, я не поленился обойти машину и обнаружил выходное отверстие. Выходит, камень прошел насквозь передок и полетел себе дальше! Чудеса...

Прогремевший неподалеку взрыв заставил меня испуганно втянуть голову в плечи. Это мой четырехколесный друг, умирая, напоследок оказал мне небольшую услугу. Что ж, прощай, неизвестная блондинка: надеюсь, на небе тебе будет лучше, чем здесь.

Сунув руку в правый карман пиджака, я с удовлетворением обнаружил в нем початую пачку «Орбита». Отлично! Судьба опять благоволила ко мне, вручив в подарок не только шикарную тачку, но и универсальное средство для временного приостановления течи в топливопроводе ее двигателя. Тщательно разжевав жвачку так, чтобы в ней не осталось крупинок, я соорудил из полученной клейкой массы аккуратную заплату и приклеил ее на место пробоя. Мне кажется или задумка моя сейчас действительно удалась? И правда: не капает. Ай да я, ай да молодец! Доехать бы до ближайшего центра техобслуживания, а там хоть трава не расти!..

— Возьмите, вот ваша сумка. — Голос девушки звучал достаточно живо. Вовсе не похоже было, что она говорила со мной сейчас из астрального мира. — Вы уже нашли течь?

— Да, уже и залатать успел, пока кое-кто лазит непонятно где. Надеюсь, содержимое сумки проверять не надо?

Судя по тому, как округлились ее глаза, мое беспокойство было явно излишним.

— Ладно, садись, прокачу с ветерком.

— А вы умеете управлять гелиостропом?

Ну вот, еще одно новое слово из блондинистого арсенала.

— И гелиостропом, и хвостодрыгом, и стрипхренозавром. Садись, кому говорят!

Она села. Расположилась в пассажирском кресле, по-пуритански сомкнув ноги в коленях, и теперь с любопытством наблюдала за выражением моего лица, когда я, взгромоздившись на сиденье водителя, соизволил обратить, наконец, свое внимание на приборную доску и органы управления данным агрегатом. Так выглядел бы, наверное, орангутанг, додумайся кто-то посадить его за рычаги управления трактором.

Да-а-а... сподобились же изготовители (наверняка японцы) сотворить такое сверхтехнологичное *нечто*. Приборная доска — словно рождественская елка: мерцает, перемигивается разноцветными огоньками, поблескивает бесчисленными хромированными переключателями, кнопками; внутри нее, кажется, даже реле какие-то пощелкивают, хотя это было бы нонсенсом. Штук восемь шкал с люминесцентной подсветкой испещрены непонятными знаками, символами... Да что там приборная доска — у этой тачки даже руля нормального не было, не говоря уже о рычаге переключения передач!

Так, спокойно. Главное, не паниковать и взять себя в руки. Нет у тачки руля — ну и ладно, мы за вон ту хрень подержимся, что между моими расставленными ногами торчит с монументальностью мужского детородного органа. Там, похоже, даже выемки для пальцев имеются, по пять с каждой стороны. И лицо, лицо попроще, а то вон у блондинки уже ехидная улыбка так и норовит проявиться, не иначе как злорадствует от души, зараза. Ой, да ладно, бывали мы и не в таких передрыгах. Где у нас тут ключ зажигания вставляется?

— Возьмите.

Чертовка словно подслушивала мои мысли. На ладошке ее уже поблескивал короткий тонкий штырек настолько непримечательного вида, что никогда и не подумал бы, что это ключ. Так, теперь бы найти подходящую дырку, а то что-то в последнее время у меня с этим проблемы.

— Признайтесь, вы совершенно не умеете водить гелиостроп!

— Это я-то?.. Это я-то не умею?!

Нежный, мелодичный перезвон смеха блондинистой стервы окончательно вывел меня из состояния привычного равновесия; недолго думая ткнул ключом в первое попавшееся отверстие, и когда он вошел туда с тихим щелчком, а на одном из табло загорелись какие-то цифры, чисто интуитивно нажал затем на большую прямоугольную кнопку, что располагалась на самом видном месте и горела приветливым зеленым цветом.

То, что произошло потом, обычным человеческим языком описать весьма сложно. Проклятая таратайка дрогнула, будто собираясь с силами, а потом практически бесшумно рванулась к небу, буквально в считанные мгновения преодолела околосреднее пространство и зависла среди бесконечного сонмища звезд. Или мне так только показалось, что зависла? Вполне возможно, что она продолжала свое движение, но достаточно адекватно отслеживать ситуацию у меня сейчас просто не было никакой возможности. Ладони вспотели, а отвратительная, вязкая дурнота накатила с такой немислимой силой, что...

Кто-то бил меня по щекам. Не то чтобы это было слишком больно, мое тело за последние годы достаточно неплохо адаптировалось к побоям, но именно эти настойчивые похлопывания мешали мне вновь погрузиться в нирвану, где нет места ни мерцающим

звездам, ни блондинкам с их демоническими агрегатами, ни... вообще ничего, кроме абсолютного, всепоглощающего умиротворения. Да, был у меня один пунктик: я панически боялся высоты. Причем боязнь эта была не врожденная, а, так сказать, свежеприобретенная вследствие непредвиденных жизненных неурядиц. Любой на моем месте обзавелся бы акрофобией, случись ему вдруг оказаться подвешенным за ноги на высоте двадцатичетырехэтажного здания, когда два гориллоподобных полудурка в любой момент могут разжать пальцы и отправить твое тело навстречу гипнотически поблескивающей полосе асфальта. Было бы за что... так нет же, сумма моего долга оказалась тогда настолько смешотворной, что я не замедлил его немедленно выплатить, едва меня вернули в первоначальное, природное положение. Сволочи... Даже теперь, по прошествии довольно продолжительного промежутка времени, я не переставал помнить их лица.

Похлопывания не прекращались. Неужели сейчас мне придется открыть глаза и вновь узреть пугающую бесконечность космического пространства? Да ни за что на свете! Пусть белобрысая хоть переломится, я и пальцем не пошевелю. Все, нет меня. Я умер. «Нет, но предупредить-то хотя бы она могла? Что, дескать, никакой это у нее не гребаный автомобиль, а самый настоящий космический корабль? — Эта новая мысль всколыхнула во мне целую волну невыносимой ярости. — Стерва, дрянь межпланетная, потаскуха! Нет, я это дело так не оставлю!»

На этот раз гнев мне оказался не врагом, а союзником. Глаза приоткрылись и встретились взглядом с ее глазами. Ну надо же, переживает! Вон как волнуется, даже губы побелели. А самое обидное состоит в том, что все те эпитеты, которые крутятся на языке, я почему-то не могу высказать вслух. Да что это со мной, ей-богу?

— Вы не умерли?

О господи, ну за что, за что ты сейчас караешь меня?!

— Нет, не умер, как видишь.

Удивительное дело: оказывается, если на чем-то конкретном сосредоточить все свое внимание, то дурнота и головокружение проходят, главное при этом — ни в коем случае не глядеть по сторонам, потому что там, за хлипкими стеклами, во всей своей красе раскинулись чужие созвездия, плавающие в глубокой черноте космоса.

— А почему вы на меня так смотрите?

— Да никак я на тебя не смотрю!

Ладони вновь предательски вспотели. Надо, надо оторвать взгляд от ее лица и сосредоточить его на чем-то другом, на чем угодно... Но до чего же чертовски сложно это проделать!

— Ты почему мне не сказала, что это космический корабль?

— Простите?..

— Мне что, следует повторить вопрос?

Впервые за время нашего знакомства в голосе девушки прозвучали обиженные нотки:

— Я говорила. Разве вы не помните? Еще спрашивала у вас, умеете ли вы управлять гелиостропом. Вы сказали, что умеете. Откуда мне было знать, что слова ваши не более чем пустая бравада?

А вот это уже удар ниже пояса. И ответить на него по большому счету нечего.

— Ладно, проехали. Давай возвращай меня обратно, накатался уже.

Девушка явно замешкалась. Не знаю уж, что творилось сейчас в голове у моей собеседницы, но лоб ее от кипучих мыслительных процессов пошел морщинами. Плохой

знак, очень плохой. Если блондинка начинает думать — значит, неминуемо быть беде.

— Ну давай уже, не томи. Что я сейчас должен сделать? Кнопку, может, какую нажать надо?

— Вы — ничего. Да и я, наверное, тоже.

— Что значит «ничего»? Я домой хочу! *Домой!!!*

Безудержный приступ страха вновь накрыл меня холодной волной, парализуя конечности.

— Пожалуйста, не переживайте вы так. Очень скоро вас непременно доставят... домой. Только не сейчас, а чуть позже. Видите ли, дело в том, что...

— В чем, в чем дело?

— Что я не умею водить гелиостроп. Совсем. — Она выдохнула эти слова как-то вот так, одним махом, словно ушат воды вылила, и теперь с любопытством ожидала моей реакции.

— То есть как «не умеешь»?..

Дурацкий вопрос. Только сейчас я понял это, когда сопоставил две вещи: не обезображенное интеллектом лицо блондинки и большую зеленую кнопку на панели управления. Автопилот. Ну конечно, а как же иначе? Кто-то задал программу полета еще на ее родной планете, усадил в кабину эту куклу, уж не знаю кто она ему там, и теперь корабль не прекратит свой полет до тех пор, пока не достигнет пункта назначения, который и станет концом ее — а теперь уже и моего — вынужденного путешествия. Стоп, тогда как она очутилась на Земле? Хотя нет, все сходится. Приняв во внимание последствия аварии, автопилот принял решение совершить вынужденную посадку на ближайшей пригодной для жизни планете. Ладно, идем дальше. Каковы теперь будут мои действия?

Странное дело: стоило мне осознать, что прямо вот сейчас, сию минуту, на Землю мне попасть уже не суждено, как оковы страха чудесным образом разжались, и я обнаружил, что взгляд мой направлен уже не на лицо своей вынужденной попугачицы, а прямиком в космическую бездну. Удивительное, ни с чем не сравнимое ощущение! Были в нем и дикий экстаз, и религиозный трепет... Гремучая, взрывоопасная смесь! Казалось, протяни руки — и ты сможешь подержать в ладонях звезду...

— Не умею, и все. А права мне папа купил!

Заявление белобрысой вернуло меня с небес на землю. Надо же, до боли знакомая ситуация. Матушка-Вселенная особо не заморачивается: куда ни кинь взгляд — везде происходит одно и то же.

— Понимаете, я и правда подумала, что вы можете водить гелиостроп. Мне очень, очень нужно попасть в другое место.

— Не в то, куда автопилот запрограммирован? А вот теперь поподробнее, пожалуйста!

Зря, ох зря я это сказал! Слова из девицы полились непрерывным потоком, таким стремительным горным ручьем, перекрыть который не было уже никакой возможности. На меня выплеснулись бурные волны информации, причем настолько между собой не связанной, что мозгам в моей черепной коробке вскоре стало жарковато, и они принялись понемногу закипать. Сейчас я вкратце перечислю то, что от нее узнал. Итак: родная планета этой безмозглой курицы — Ооцингнитарговпачилло (произнеся последнее «о», надо немного побулькать), сама она не замужем, но у нее уже есть жених — некий Крекопессий, из очень приличной семьи, кстати, сей молодой человек, да и она не какая-то там гвиноскоуха, а самая что ни на есть потомственная карчемьяка. На кого она учится, я так и не

понял, ибо в слове том было слишком много согласных; куда она направляется — тоже не понял, только порядочной карчемяке там не место, но папа отправляет ее туда за какие-то там непонятные провинности. Короче, накосячила, видать, девка по полной, вот папочка и подсуетился, замыслив сплавить свое отсталое чадо в какое-то подобие пансиона для благородных девиц. Далее понесла она уже совершенно невнятную чушь, и я, чтобы перевести беседу в нужное для себя русло, вынужден был вежливо поинтересоваться:

— И все-таки? Куда бы ты хотела попасть, окажись вдруг, что я действительно умею водить эту штуку? — Рука моя изобразила в пространстве нечто вроде неправильного эллипса.

— Как, разве я вам еще не сказала?.. В планетомаркет «Архарионна», естественно, куда же еще?

А и вправду: как же это я сразу-то не догадался? Старею, наверное.

— Архарионна.... А что это?

— *Планетомаркет*. — Она посмотрела на меня так, словно я был маразматическим старцем, позабывшим нацепить на ухо свой слуховой аппарат. — Он единственный на всю галактику, других таких просто нет!

— То есть ты имеешь в виду, что... Господи, да такого просто не может быть!

— Может, еще как может! — Моя сиюминутная растерянность блондинке невероятно польстила. — Да-да, вы только представьте себе: целая планета массой в две тысячи четыреста миллионов гастов, вращающаяся вокруг звезды класса Q24, превращена в один гигантский, практически бесконечный супермаркет, в котором есть все, абсолютно все! Товары со всех концов галактики, из всех миров представлены здесь в таком широком ассортименте, который вы не встретите больше нигде!

Я послушно прикрыл глаза, представляя себе бесконечные ряды полок, уходящие в неведомые дали и исчезающие где-то далеко-далеко за горизонтом. Скукотища... Упаси господи попасть в такое место с девицей наподобие той, которая восседает сейчас подле меня в пассажирском кресле. Ее-то наверняка и из обычного супермаркета вытянуть не так-то просто. Нет уж, увольте. Хотя с другой стороны... может быть, и удалось бы пожить там чем-нибудь полезным.

— Говоришь, все у них там есть? А как насчет боевых крейсеров?

— Если вы о крупногабаритных боевых гелиостропах со сверхтяжелым вооружением на борту, то конечно же да, есть. Разных моделей и конфигураций. Мой папа...

— Да задолбала ты меня уже со своим папой! Давай так: я доставляю тебя к этому самому планетомаркету, а ты мне за это покупаешь все, что я для себя выберу. Идет?

Я уже представлял себе, как вытянутся лица моих недругов, когда я прибуду на свою родную планету на гигантском космическом блюде, ошетилившемся во все стороны жерлами крупнокалиберных пушек. Нечего сказать, забавная получалась картинка.

Моя собеседница ответила практически сразу, не колеблясь:

— Хорошо, я согласна.

Хотя бы поторговалась ради приличия, что ли.

— А деньги-то у тебя есть, детка?

— И никакая я вам не детка; у меня, между прочим, имя есть! И деньги, кстати, тоже! — Она ткнула мне под нос нечто вроде прямоугольной пластиковой карты. — Мой папа....

— Хорошо-хорошо, я понял.

Кажется, девчонка не на шутку обиделась. Я же сделал себе зарубку в памяти: впредь со

своим нанимателем следует обращаться чуточку повежливее. А, кстати, каким образом я собираюсь выполнить свое обещание? Ладно, потом помозгуем. Сейчас организму крайне необходимо отдохнуть и расслабиться, раз уж мне не светит немедленная госпитализация. Все тело болит, а голова похожа на мыльный пузырь: такое ощущение, что стоит к ней прикоснуться, и она лопнет. Как ни хорохорься, как ни выпендривайся перед инопланетной красоткой, а все равно умом понимаешь: автомобильная авария не прошла для тебя даром.

Наверное, вид у меня был сейчас действительно не очень здоровый, поскольку моя новая знакомая сама предложила мне немного поспать и даже показала, как кресло переводится в горизонтальное положение, превращаясь в узкую, но вполне функциональную койку. Прилегла и сама, проделав в точности такие же манипуляции и со своим креслом, затем произнесла вслух несколько непонятных слов, и кабина гелиостропа погрузилась во тьму.

Сон упрямо не шел ко мне. Да оно и немудрено, впрочем. Черета недавних событий кого угодно выбила бы из колеи. Кого угодно, но только не эту... я скосил глаза и украдкой окинул взглядом ангельское личико своей соседки. Ну надо же — спит! И, между прочим, умудряется посапывать при этом так беззаботно, что поневоле зависть берет. Вот уж у кого крепкая нервная система! Мысли мои стали пугаться, перескакивать с одного на другое. Почему-то вспомнилось, что имени девушки я так и не удосужился узнать; надо будет, при случае, обязательно исправить эту оплошность, но все это будет потом... потом, а сейчас...

«Утани гепоцитани! Утани гепоцитани! Крико! Крико!»

Моя кровать внезапно всколыхнулась, что-то в ней жалобно скрипнуло, а затем она будто схлопнулась, едва не размазав свое содержимое, то есть меня, по лицевой части кабины. К счастью, помешали этому очень кстати выскочившие непонятно откуда привязные ремни, накрепко зафиксировавшие мое тело в сидячем положении. Теперь кровати как таковой не было: буквально в считанные мгновения она приняла свой первоначальный вид водительского кресла. Да что, в конце концов, здесь происходит, черт побери? Я был уверен, что не произнес эти слова вслух, но девица каким-то образом все-таки умудрилась на них ответить:

— Аварийная ситуация. Сейчас поисковая система гелиостропа ищет ближайшую пригодную для жизни планету для того, чтобы совершить на ней вынужденную посадку. Не беспокойтесь.

Она еще меня утешает! Стараясь, чтобы голос мой прозвучал как можно более нейтрально, я позволил себе поинтересоваться:

— А что случилось-то? Из-за чего весь этот сыр-бор?

— Даже не знаю.

— А кто знает? Может быть, я?

На мою колкость блондинка никак не отреагировала. Казалось, она напряженно ждала чего-то важного, что должно было сейчас произойти, вцепившись в подлокотники кресла так, что побелели костяшки пальцев. Внезапно корабль дрогнул, нос его ощутимо повело вправо, а из скрытых динамиков вновь полились слова незнакомой речи. Только теперь она позволила себе расслабиться — я понял это по тому, как опустились ее плечи.

— Что, хорошие новости?

— Да, гелиостроп нашел неподалеку подходящую планету, и сейчас мы направляемся к ней.

— А мог и не найти?

— Ну конечно же, — она была не на шутку удивлена, что я не понимаю таких, казалось бы, очевидных вещей, — планет, пригодных для жизни, в галактике не так много. Расстояния между ними зачастую настолько огромны, что требуется немало времени для того, чтобы преодолеть их.

— То есть если бы он не нашел сейчас нужной планеты, то мы могли погибнуть?

— Вполне вероятно. Нет, планету он бы нашел, не мог не найти, но если бы она находилась чуточку дальше, чем следовало, то мы бы до нее просто могли не успеть добраться.

Теперь до меня дошло, наконец, что же заставило поволноваться мою блондинистую попутчицу.

— Ну что я могу сказать? Рухлядь у тебя, а не космический корабль. Китайская поделка, одним словом.

«Кстати, а как мы умудряемся друг друга понимать?..» — Новая мысль пришла мне в голову совершенно внезапно, и неслабо озадачила. А действительно? И почему я раньше не задумался над этим вопросом?

— Нашему обоюдному общению помогает лингвин, который живет у меня вот здесь, — она неопределенно pokrutila пальцем у своего правого виска. — Или здесь. Временами он перемещается, ему тоже скучно долго жить на одном месте.

— Это еще что за зверь такой?

— Разумный симбионт. Вы и этого не знаете?

Я тактично промолчал. Теперь моя попутчица предстала передо мной в совершенно ином свете. Я смотрел на это милое личико, любовался безбрежной голубизной ее прекрасных широко распахнутых глаз, а сердце мое переполняла острая жалость. Господь мало того что сотворил это чудо блондинкой, так еще и позволил себе в досталь поиздеваться над ней! Ну откуда, откуда, спрашивается, взяться в этой маленькой головенке крупичкам мозга, если в ней, ко всему прочему, еще и обосновался какой-то космический паразит, ползающий в черепной коробке туда-сюда как по Бродвею? Бедняжка.

— Ты не в курсе, планета, на которую мы сейчас летим, обитаема?

Она беспомощно пожалала узкими плечиками:

— Не в курсе, но очень скоро мы это узнаем.

— А заранее никак нельзя?

— К сожалению, для того чтобы получить доступ к хранящейся в базе данных информации, необходимо перейти в режим ручного управления: автопилот полностью контролирует все системы гелиостропа, включая, кажется, даже систему жизнеобеспечения.

Очень жаль. Что ж, остается только ждать, пока поврежденная машина не выполнит свою задачу. Ждать и надеяться на лучшее.

Прошло минут пятнадцать, прежде чем динамики вновь заговорили, а сквозь стекла космического автомобиля я смог созерцать никогда не виденное ранее зрелище: приближение неизведанной планеты — крошечной голубой бусинки, плавающей в безбрежных глубинах космоса.

Впрочем, не такой уж она оказалась и крошечной. С каждым мгновением планета становилась все больше, напoлзая на нас, словно бульдозер на подлежащий сносу газетный киоск. Через некоторое время на ней можно было уже разглядеть материки и океаны, чуть позже — даже ниточки рек, венозными артериями опоясывающие и гряды величественных гор, и нескончаемые лесные массивы приятного каштанового оттенка.

— Смотрите-ка, город! Город! — Девчонка заметила его первой и теперь едва ли не прыгала от восторга в своем кресле.

Я же, раздосадованный, что прошляпил эту гигантскую уродливую проплешину на теле готовящейся нас приютить красавицы-незнакомки, сподобился лишь сердито насупить брови:

— Ну, город... Неизвестно еще, что нас там ожидает.

Реплика моя осталась без ответа. А зря. Между прочим, я был уверен, что чертовски прав. Эфир-то молчит. Никаких запросов, никаких разрешений на посадку. Даже я понимаю, что это совсем не нормально. Неужели существам, населяющим планету, абсолютно без разницы, что за корабль к ним приближается и с какими намерениями?

Гелиостроп между тем, порывав по орбите, словно собака-ищейка, вдруг целенаправленно пошел вниз с такой скоростью, что завтрак, съеденный мною еще утром в придорожной забегаловке, начал настойчиво проситься наружу. К счастью, все на свете имеет и свое начало, и свой конец — падение наше сменилось плавным скольжением над древесными кронами, а затем прекратилось и оно, когда компьютер корабля без малейших сомнений бросил судно в образовавшийся просвет между ними.

— Все, вставайте, приехали.

Неужели? Я приоткрыл левый глаз и оценивающе осмотрел им кабину. Кажется, никаких повреждений нет, вынужденная посадка прошла вполне удачно.

— Как думаешь, мы далеко сейчас от города?

— Не знаю. Надеюсь, вы не собираетесь отправляться туда, потому что у нас очень мало времени. Я хочу, чтобы вы устранили неисправность и доставили меня наконец на Архарионну, как обещали.

— Да помню я, помню. Ладно, давай выбираться из этой дыры.

Демонстративно хлопнув дверцей, я вылез наружу, с опаской втянул через ноздри прохладный воздух. Вроде ничего. Свежестью пахнет, прелой листвой с тонким, едва уловимым грибным ароматом. Куда ни кинь взгляд — повсюду буйство осенних красок, опавшие листья успокаивающе шуршат под ногами. Парадокс, но даже в увядании есть своя особая, ни с чем не сравнимая прелесть. Присутствует здесь и тихая, созерцательная грусть, и толика щемящей тоски, которые, смешиваясь с горьковатым запахом полыни, терзают, терпят душу, заставляя задуматься о чем-то более возвышенном, чем твое жалкое полурастительное существование. В такие минуты хочется ничего не делать, а просто стоять с закрытыми глазами, ощущая, как вокруг тебя происходит таинство уходящей жизни...

— Что с вами?

— Со мной? Ничего.

Я и не заметил, как она вышла. Наваждение внезапно исчезло, вспугнутое беспардонностью незнакомки.

— Тебя как зовут?

— Эльвианора. А вас?

— Илья.

— Хорошее имя. Сильное.

— Почему «сильное»?

— Не знаю. Сильное — и все.

Мне кажется или на нее тоже подействовало очарование осени?

— Оденься. Холодно.

Девушка послушно кивнула и вновь вернулась к гелиостропу. Через минуту она вышла, зябко кутаясь в тонкое одеяло из полупрозрачной материи.

— У тебя с собой даже свитера нет?

— Нет. Мой папа очень спешил, отправляя меня на Шимитар.

«Эльвианора...» — мысленно произнес я ее имя, как бы пробуя его на вкус. Что ж, звучит, пожалуй, даже лучше, чем «тупая блондинка» или «безмозглая космическая стерва».

— А кто твой папа, если не секрет, и почему он так спешил?

— Мой папа... не знаю, как правильно это объяснить. На вашем языке, кажется, есть схожее по смыслу слово, в какой-то степени отображающее его истинное общественное положение. Это слово «диктатор», если я не ошибаюсь. Правитель одиннадцати планетных систем и пояса тритауриевых астероидов. — Не обращая внимания на мое вытянувшееся от удивления лицо, она продолжала как ни в чем не бывало: — Мне кажется, что у него в последнее время возникли какие-то проблемы по работе... не знаю, он не говорил какие, но дело вовсе не в том, что я разбила фамильную вазу Драанской династии на приеме у посла Кардинавии. Это просто повод, понимаете? Повод!

Девушка едва не плакала. Я готов был поклясться, что еще чуть-чуть, пара-тройка невинных вопросов, и из глаз моей собеседницы ручьем потекут слезы.

— Я все понял, успокойся. Ну конечно же это повод. — Сам не зная, зачем я это делаю, прижал Эльвианору к груди, согревая ее теплом своего тела.

Удивительное дело: она даже и не подумала вырваться. Просто вздрогнула поначалу от неожиданности, а затем замерла, не смея пошевелиться. Словно птенец, выпавший из гнезда и поднятый руками сердобольной старухи.

— Поверь мне, все будет хорошо; хорошо, я обещаю.

Она не отвечала. Только прижималась ко мне все теснее, словно боясь, что я исчезну, испарюсь, растворюсь в этом разгуле осенних красок безвестной планеты, оставив после себя только постылое одиночество.

Так мы стояли довольно долго, пока внимание мое не привлек хруст сломанной ветки, прозвучавший в окружающей нас безмолвной тишине словно выстрел. Обернулся резко, всем своим естеством предчувствуя грядущие неприятности. Но нет, пронесло на этот раз — к нам приближалась не какая-нибудь там устрашающая инопланетная тварь с истекающей слюной зловонной пастью, а всего лишь забавный карлик с лицом обиженного мопса. Несуразный весь какой-то, скособоченный, вся морда в кожистых складках, да ко всему прочему, похоже, еще и горбатый. В правой руке у него было что-то зажато. Приглядевшись, я понял, что это довольно крупная ящерица красивого пурпурно-оранжевого оттенка, тарасившаяся на меня с не меньшим интересом, чем и я на нее.

— Эльвианора, ты только посмотри, какое чудо!

Девушка послушно повернула голову. Слезы, так и норовившие выплеснуться из ее небесно-голубых глаз, немедленно высохли.

— Ой, ну надо же, какой милашка! Иди к мамочке, малыш!

Она оторвалась наконец от моей груди и поспешила к гостю, проваливаясь острыми шпильками-каблуками в податливо-рыхлую землю. Улыбка карлика стала еще более умильной, когда Эльвианора приблизилась к нему на расстояние вытянутой руки, а затем... затем произошло невозможное. Уж не знаю, что он там сделал со своей ящерицей, со стороны было похоже, что карлик просто нажал на какую-то точку у нее на брюхе, но та вдруг внезапно надулась, злобно засверкала опаловыми глазками и плюнула в подошедшую

девушку клубком отвратительной черной слизи.

— Ах ты скотина!!! — Уже на бегу я успел краем глаза заметить, как падает моя подопечная наземь с лицом, искаженным болью, как закатываются ее глаза.

Карлик был уже совсем близко. Рывок — и кулак мой врежется в его приплюснутую морду: я чувствую, как ломаются в ней хрящи, а моя рука окрашивается его кровью, в точности такой же черной, как и слюна ящерицы, что пригрелась у него в руке.

— На, получи, урод! — Еще один удар примерно в то же самое место. Уж не знаю, что на меня нашло, на самом-то деле я не ахти какой боец; здесь, видимо, сыграло свою роль нешуточное волнение за доверившуюся мне девушку, лежавшую сейчас недвижимо на холодной земле чужой планеты. Чужой в полном смысле этого слова.

Я молотил карлика очень долго. Он уже не стоял — мешком валялся на земле, а я, сидя на нем, долбил и долбил кулаками по отвратной морде, которая, похоже, становилась еще более приплюснутой, чем была до этого.

Как ко мне подошли со спины еще двое — я уже не заметил. Ощутил лишь, как в шею мне впивается что-то мокрое, этакий тугой липкий сгусток, и тотчас же закатывается за воротник, впитывается в кожу, заставляя ее неметь; онемение это распространяется все дальше, захватывает конечности, парализует губы. Теперь я уже не кричу — некогда. Мне нужно успеть намертво вцепиться зубами в ногу одного из уродцев, прежде чем тело окончательно перестанет повиноваться, а сознание улетит прочь... прочь от проклятой планеты и ее обитателей.

Я лежу на чем-то холодном и твердом — именно такой сделал вывод, когда заставил себя пошевелить рукой, преодолевая острую боль в суставах. Откуда боль, кстати? Последствия попавшей мне на кожу парализующей слизи? Возможно. Но с этим буду разбираться позже, а сейчас меня в первую очередь интересуют всего две вещи: где я, и что с Эльвианорой: жива ли она. У меня до сих пор стояло перед глазами ее белое как мел лицо. Стоп, а может, это был всего лишь сон? Космическая красotka на каблуках-шпильках, карлик с лицом обиженного мопса?.. Сейчас я проснусь, умоюсь, побреюсь и побегу на работу, а сон мой очень скоро развеется как дым, оставив о себе в качестве напоминания лишь капельку горечи. А что, эта гипотеза тоже имеет право на жизнь... вот только глаза открывать почему-то подозрительно не хочется, умом-то понимаю ведь, что все не так просто. А, ладно: была не была... Тяжко вздохнув, все-таки заставил себя разлепить веки. Ага, сон... держи карман шире. Я в каком-то помещении, похожем на хлев, судя по запаху. Помещение сравнительно невелико, шагов пятнадцать в длину, а в ширину и того меньше, как минимум вдвое. Вся его площадь занимают кое-как сколоченные деревянные нары, причем дерево, похоже, не потрудились даже обтесать как следует — там и сям торчат сучки да заусенцы. Нет, не хлев это, обманул меня нос. Самый обыкновенный барак, в котором содержится вовсе не скот. Впрочем, судить за это мой нос явно не стоит, ведь он был введен в заблуждение миазмами человеческих испражнений, доносящимися из дальнего, затемненного угла помещения, которые, смешиваясь с запахом невымытых тел, и создавали этот всепроникающий «аромат».

Ничего не скажешь — мило. А главное — никаких ненужных излишеств. Лично мне спартанская обстановка всегда импонировала. Да ладно: шучу, конечно, шучу. А что мне еще остается? Не пялиться же в единственное на весь барак окно со щелями шириной в палец, из которых нещадно сифонит морозным воздухом? К тому же и далековато оно от меня, нары-то мои у противоположной стены, аккуратно рядом с массивной входной дверью, сделанной из неизвестного мне серебристого металла.

Стены... Только сейчас я обратил внимание на то, что материалом для них послужила какая-то странная пористая порода, причем они монолитны, ни единого шва не наблюдается; как и на самом потолке, впрочем. Что стены, что потолок — грязного сероватого цвета с отчетливо видимым налетом копоти. Откуда копоть — догадаться несложно, если повернуть голову чуть правее: там, ближе к середине барака, выложен небольшой очаг, почерневший от частого использования.

Барак, как про себя я назвал это убогое помещение, был абсолютно пуст. Не считая меня, конечно. Плохой знак, очень плохой. Остается лишь надеяться, что Эльвианору поместили в какое-то другое, более приличное место.

Ладно, хочешь не хочешь, а пора вставать. Осмотреться, проверить на прочность стены, окно да дверь своего нового жилища. Я свесил ноги с нар, встал, потянулся, разминая затекшие мышцы. Тишина, на мои телодвижения никто не реагирует. Тюремщикам наплевать, чем занимается их пленник. А может, оно и к лучшему: после того как я измочалил напавшего на мою спутницу «мопса», ожидать приличного приема с их стороны было бы полнейшей глупостью.

Подожел все-таки к окну. Вид из него открывался так себе, на троечку: унылая равнина, покрытая слоем бурой растительности вроде травы, полоска леса вдаль, где-то у самого

горизонта. Ну вот и все, пожалуй, не считая узкой ленты дороги с растрескавшимся покрытием. На вид она казалась не то чтобы неухоженной, а скорее древней, от нее так и веяло чередой пролетевших тысячелетий. Куда она ведет, кто те неизвестные строители, что соорудили ее посреди этой убогой пустоши, — откровенно говоря, на это мне было начхать. А вот на оконное стекло — нет. Поковырял его ногтем, саданул кулаком, а затем, разогнавшись как следует, в прыжке приложился к нему ногой. Реакции — ноль. Зато теперь становится понятным отсутствие металлической решетки.

Уяснив, что из места моего заточения просто так не выбраться, я почему-то сразу успокоился. Вновь забрался на свои нары, прикрыл глаза, представляя, что нахожусь где-нибудь на курорте, а свежий морской бриз, играя, теребит мне волосы, брызгает на лицо крупными солонатовой влаги...

— О слава Великому Терихоандронасу, вы живы!!!

— Да жив, жив... — пробурчал я словно последний зануда, хотя было чертовски приятно ощущать, как тонкие девичьи руки обвиваются вокруг моей шеи, а солонатовые капли влаги на поверку оказываются вовсе не игрой моего заспанного воображения, а самыми что ни на есть настоящими слезами, пролитыми, между прочим, в честь моего внезапного восставания из мертвых. — Господи, да что это с тобой? Ты почему вся такая грязная? — Я соизволил наконец открыть глаза и теперь потрясенно таращился на Эльвианору.

Да-а-а... от внешнего лоска моей спутницы не осталось и следа: волосы растрепанные, мокрые, некогда белая футболка уже далеко не белая, да и сама девушка мало того что мокрая с головы до пят, так еще вся извазюкана в какой-то глинистой грязи отвратительного рыжеватого оттенка. К тому же она была не одна — мои нары обступили штук пятнадцать существ настолько между собою не схожих, что человека с более слабой нервной системой наверняка хватил бы удар, случись ему вдруг оказаться на моем месте. Одно из них, например, которое третье слева, щеголяло чудесным расписным панцирем, я успел как следует рассмотреть его, когда оно повернулось к своему соседу — миниатюрной хрупкой особи с лицом обиженной мартышки, у которой только что отобрали банан, и пробулькало ей нечто настолько невразумительное, что вот так, с ходу, я бы затруднился и повторить. К моему удивлению, «мартышка» ответила, причем на своем языке, но видно было, что они распрекрасно поняли друг друга. Ну, все понятно: видимо, все разумные существа в этой части галактики пользовались услугами симбионтов-переводчиков, как и Эльвианора.

— Эльвианора... Эльви, ты так и не ответила.

— Со мной? Ничего. Мы работали. — Девушку била крупная дрожь. Ого, да она не на шутку замерзла — а я-то, идиот, терзаю ее сейчас своими тупыми вопросами!

Мои свитер и куртка оказались слишком велики для нее, но это сейчас не имело никакого значения. Зато они были теплыми — вот что главное. Теплыми и сухими.

Когда моя подопечная немного отогрелась и смогла, наконец, разговаривать связно, я узнал от нее, что же это за место и какая нам всем уготована участь. Итак: занесло нас, по милости капризного господина Случая, на планету, носящую непримечательное имя Гнерия, планету-призрак, жители которой давным-давно вымерли вследствие то ли природного катаклизма, то ли войны, развязанной при помощи неизвестного оружия. Как бы то ни было — результат налицо. Почва планеты оказалась заражена каким-то вирусом, благодаря которому все живое умирало на ней весьма быстро. Три месяца — вот максимальный срок жизни, отпущенный любому биологическому организму, если уж его угораздило попасть на

ее безжизненные просторы. Отсюда, кстати, рыжеватый цвет — и почвы, и самой растительности. Планета-склеп, в которой безраздельно владычествует вечная осень.

Теперь о главном: карлики, захватившие нас, оказались не кем иными как черными археологами. А мы, то есть все присутствующие, должны были выполнять за них грязную работу. Бесплатная рабсила, удел которой — извлекать все ценное из-под обломков погибшей цивилизации, а потом, в один не прекрасный момент, каждый из нас опустится наземь мешком загноившейся подрагивающей плоти для того, чтобы больше никогда не встать. Нечего сказать, «приятная» перспектива.

— Хорошо. А что касается наших хозяев — они тоже умирают?

— Нет. Точнее, умирают, конечно. — Эльвианора с тоской смотрела сейчас на свои обломанные ногти, под которые намертво въелась вездесущая рыжая грязь. — Они работают вахтовым способом, по неделе. Кто отработал — больше сюда не возвращаются.

Вот оно как, значит. Неплохо устроились, сволочи.

— А эти? — Я обвел взглядом окружающих меня (как бы правильно их назвать... то ли людей, то ли нелюдей). — Эти-то как сюда попали?

— Эти? В точности такие же неудачники, как и мы. Кто-то потерпел аварию, кого-то похитили, кого-то продали в рабство родственники. Поверьте, не все разумные существа во Вселенной достаточно цивилизованны.

— Даже так? Ну ладно, учтем.

Что учтем? Зачем учтем? Выбираться отсюда надо. Выбираться, причем как можно быстрее. Разум мой заработал с утроенной силой, просчитывая всевозможные варианты бегства. Нет уж, ни за что на свете я не позволю умереть ни себе, ни этой... блондинистой стерве, растерявшей почему-то разом всю свою стервозность.

Мои суматошные размышления прервали неожиданные гости. Что-то в двери нашего барака щелкнуло, а затем она распахнулась во всю ширь, пропуская через себя небольшую процессию. На этот раз карликов было четверо. Двое из них тащили металлический чан, доверху наполненный каким-то варевом, остальные, судя по всему, исполняли роль охранников, в руках у обоих зажаты в точности такие же ящерицы, что и та, с которой нам уже «посчастливилось» познакомиться в день нашего пленения.

Ба! Да это же мой старый знакомый! Действительно: морда одного из охранников полностью перемотана бинтом, одни лишь глаза торчат. Мне вот сейчас кажется, или этот упырь и правда замыслил по отношению к моей персоне что-то недоброе? Мумия недоделанная.

Чан поставлен на пол возле очага, и вся четверка неспешно возвращается обратно. Господи, да неужто все обойдется? Я позволил себе спокойно вздохнуть лишь тогда, когда дверь захлопнулась за их спинами.

Не прошло, однако, и пяти минут, как она вновь распахнулась. На этот раз карлики были во всеоружии. Один держал в руках какую-то длинную палку с петлей на конце (похожие приспособления используют в зверинцах для усмирения диких животных), остальные трое вооружились чертовски знакомым мне оружием — самыми что ни на есть наиобыкновеннейшими бейсбольными битами.

— Илья!!!

Крик моей подруги по несчастью слегка запоздал. Не знаю уж, как я умудрился пропустить этот подлый удар локтем под дых — видимо, оружие в руках карликов пробудило во мне ностальгию по покинутой Земле, но прийти в себя мне уже не дали. Петля обвилась

вокруг моей шеи и стала затягиваться, затягиваться, затягиваться... Сам же я оказался прижатым к стене и, пока один из мучителей продолжал удерживать меня на своей рогатине, остальные трое принялись заниматься тем, ради чего сюда и пришли. Удар сыпался за ударом: по голове, по почкам, по... Вообще, нет ничего более унижительного, чем быть избитым четверкой недомерков, самый высокий из которых макушкой достает тебе максимум до пупка.

Когда тело мое превратилось в сплошной кровоподтек, а руки безвольно опустились, не в силах блокировать бесчисленные удары, карлики соизволили-таки оставить меня в покое. Что было потом — не помню. Помню только пол, который приближался к моему лицу с головокружительной скоростью, но мне было уже абсолютно все равно.

— Илья, проснитесь! — Ну вот, кто-то вновь бил меня по щекам. Кажется, это уже входит в привычку. С того момента как меня угораздило познакомиться с этой девицей, я то и дело попадаю в разные передряги.

— Ну что там опять?

— Нам пора на работу.

— Да неужто? А я-то грешным делом подумал, что сегодня выходной!

Мой сарказм, к несчастью, никто не оценил. Туговато что-то с юмором у моих сокамерников. Но вставать было надо. *Надо*. Уже раннее утро, вот-вот за нами явится привычный эскорт из четырех охранников, а в том, что они не умеют ждать, я уже имел удовольствие неоднократно убедиться на собственной шкуре. Сегодня пошел уже пятый день, если я не ошибаюсь, со времени нашего пленения. Или шестой? Голова моя соображает сейчас весьма слабо, уж очень часто к ней прикладывались палкой.

— Илья!

— Ну хорошо-хорошо, встаю.

Я заставил себя приоткрыть синюшные щели, в которые превратились мои глаза, и в очередной раз мысленно проклял мстительного карлика, являвшегося каждый вечер по мою душу. Не знаю почему, но вчера он зверствовал особенно рьяно.

Все мышцы протестующее заныли, когда я принял подобающее прямоходящим вертикальное положение и теперь терпеливо ждал, прислонившись к стене, когда же откроется тяжелая металлическая дверь, знаменуя собой начало нового трудового дня.

Ждать пришлось недолго. Вскоре нас уже вели по широкому коридору с многочисленными ответвлениями; я знал, что в конце него нас ожидает еще одна дверь, в точности такая же, как и дверь нашей тюрьмы. Вообще здание, в котором мы сейчас находились, на самом деле было огромно, а то помещение, что я поначалу принял за барак для заключенных, являлось лишь небольшой его частью.

Вот и долгожданный выход. До чего же приятно вдохнуть полной грудью прохладный, пахнувший свежестью воздух! В такие минуты я вновь ощущал себя живым. Наш транспорт — двадцатичетырехколесный вездеход с крытым брезентовым верхом — приветливо подмигивает нам фарами, словно мы не рабы, а самые обычные туристы, приехавшие поглазеть на мертвый город.

— Осторожно, Илья.

Эльвианора помогает мне взобраться в кузов по узким ступеням выдвинутой лестницы и садится на скамью со мной рядом, готовая каждую минуту поддержать мое тело, если надумаю вдруг вновь потерять сознание. В последнее время такое со мной случается все

чаще: видимо, измученный ежедневными побоями организм выражает таким образом свое недовольство.

Вездеход везет нас по городским улицам. Сейчас они пусты и безлюдны, но легко можно представить себе то время, когда на них бурлила жизнь. Кое-где все еще попадаются полусгнившие остовы машин — вездеход их опасно объезжает, хотя свободно мог бы превратить в труху своим тупорылым носом и помчаться дальше, даже почти не сбавляя скорости. Но водитель осторожничает — улыбчивый карлик обожает свою машину, это заметно. Она для него как сестра, как... я бросаю косой взгляд на Эльвианору и вижу, что глаза ее полны слез. Ей наше маленькое приключение отнюдь не кажется забавным, это для меня, прожженного циника с шутовской улыбкой на посиневших губах, происходящее не более чем обычные трудовые будни. Пусть теперь и не на Земле, а здесь, на планете, название которой настолько прозаично, что постоянно так и норовит выскользнуть из памяти. Какая, по большому счету, разница? Я давным-давно привык, что жизнь моя ничего не стоит, я извечный должник и когда-нибудь непременно наступит тот день, когда придется заплатить по счетам.

— Эльви, почему я тебя могу понимать, а их нет? — Я кивнул на сидящего впритирку ко мне задумчивого субъекта — такого шарообразного мохнатого то ли богомола, то ли кузнечика с очками в роговой оправе, оседлавшими идеально очерченный греческий нос.

— Вы имеете в виду профессора Буальвинара?

— Вообще-то я имею в виду всех их, — на этот раз я изобразил рукой широкий жест, охватывающий тот зоопарк, что ютился сейчас с нами в кузове вездехода. — У них ведь в точности такие же, как и у тебя, лингвины, если не ошибаюсь?

— Верно, лингвины. Только не такие. Мой лингвин... как бы это правильно сказать, он несколько необычный. Весьма редкий и очень дорогой вид, рыночная стоимость одного такого лингвина — примерно как у небольшой планеты, вращающейся вокруг солнца класса G.

Ну да, а я как-то уже успел и подзабыть, что подопечная моя — не дочь какого-то там олигофрена, а единственное чадо самого что ни на есть настоящего межзвездного диктатора.

— Ага, вот оно, значит, как? Ладно, теперь все понятно.

Вездеход внезапно резко притормозил, заставив замолчать нас обоих. Брезентовый полог его распахнулся, и в глаза вновь ударили назойливые лучи света. Неужели приехали? Рановато что-то, обычно нас катали минут сорок.

Место, в которое завезли нашу группу на этот раз, было совершенно иным, чем прежние. Ранее мы работали в центре города на завалах некогда гигантского высотного здания, от которого теперь сохранилась лишь часть фундамента. Остальные его составляющие превратились в труху, она толстым слоем покрывала как сам фундамент, так и дороги вокруг него. Что было довольно-таки удивительно, кстати, поскольку другие здания в этом квартале выглядели абсолютно нетронутыми.

Теперь же, похоже, нас высадили где-то ближе к восточной окраине. Впрочем, откровенно говоря, мне было уже все равно. Без разницы, где работать, главное — прожить этот день и пережить вечер. Вот только привычного конвейера нигде не видно. А это уже настораживает. Я завертел головой в поисках чего-то неординарного и был вознагражден видом неторопливо выползающего из-за угла восьмипапого механизма.

— Что это? — Эльвианора тоже обратила внимание на странный аппарат и теперь во все глаза следила за тем, что же он сейчас будет делать.

Посмотреть действительно было на что. Вот эта машина подползает к двадцатидвухэтажной высотке, становится на задние лапы, будто принохиваясь, а затем, словно уяснив что-то для себя, неторопливо отползает назад. Сейчас ее морда-блюдец весьма напоминает спутниковую тарелку: да она, в сущности, даже подражает ей — тоже поднимается к небу на шее-шарнире. Впрочем, нет, не к небу. Она направлена на верхние этажи так заинтересовавшего ее здания.

То, что происходит потом, больше похоже на кошмарный сон. Басовитое гудение машины, испускающей невидимые волны, сопровождается тихим шелестом мельчайшей красноватой трухи, что дождем осыпается совсем неподалеку от наших ног. Верхних этажей больше нет, и я с ужасом понимаю происхождение этой красной пыли.

— Оно поедает стены!

Блондинки иногда бывают особо догадливы. Сейчас Эльвианора всего лишь тремя словами умудрилась описать то действие, что разворачивалось перед нашими глазами. Да, машина действительно, можно сказать, поедала стены. Точнее — превращала их в труху, отправляя в небытие все артефакты погибшей цивилизации. Нетронутыми оставались лишь изделия из драгоценных металлов, ведь именно они интересовали наших захватчиков в первую очередь. Теперь я понял, почему на месте прошлых раскопок посреди квартала было лишь одно разрушенное до основания здание — карлики попросту уничтожили его точно таким же образом, как делают это сейчас. Очень скоро сюда доставят привычный конвейер, половина из нас будет зачерпывать ведрами пыль и загружать в его приемный бункер, а остальные примутся копать в ней в надежде найти хоть что-нибудь стоящее, иначе ни обеда, ни ужина никому из нашей команды не видать.

В своих предположениях я не ошибся ни на йоту. Действительно: едва машина покончила со зданием и отправилась восвояси, издав напоследок победный гудок, как тут же из-за поворота вынырнул еще один вездеход с конвейером на прицепе.

Сегодня работа спорилась. Не знаю уж, по каким критериям выбирали здания наши тюремщики, но делали они это явно не по простому наитию. Я сам лично выловил из пыли шпук восемь массивных браслетов, четыре броши с крупными бриллиантами и целых сорок два кольца. Среди моего улова было и еще кое-что: нечто такое, что совершенно не вписывалось в рамки наших прежних находок. Восьмигранник из странного материала, никоим образом не относящегося к драгметаллам. По виду он более всего походил на пластиковую детскую игрушку, практически ничего не весил и состоял из множества отдельных сегментов, испещренных непонятными символами на языке исчезнувшей цивилизации. Лично мне он более всего напоминал кубик Рубика, если не брать в расчет количество граней. Находка эта меня настолько заинтересовала, что я впервые позволил себе совершить поступок, который вполне мог поставить под угрозу как мою жизнь, так и жизнь моей подруги по несчастью, что стояла со мной сейчас бок о бок у ненавистного конвейера и рылась в трухе своими некогда ухоженными пальчиками. Да, я рискнул совершить кражу, уповая на то, что наши тюремщики побрезгуют, как всегда, проводить полноценный обыск по окончании трудовой смены и ограничатся лишь беглым наружным осмотром.

Восьмигранник был небольшим и легко уместился во внутреннем кармане куртки. Как ему удалось уцелеть после того как машина захвативших нас карликов в считанные минуты превратила в труху целое здание — вот вопрос, который терзал меня до того самого момента, как нас вновь поместили в брюхо вездехода и повезли к базе пришельцев.

— Эльви, давай я тебе сейчас покажу одну занятную вещицу, а ты мне скажешь, что это

такое; идет?

— Хорошо. — В голосе девушки прозвучала легкая заинтересованность, на миг вытеснившая привычную апатию.

— Держи. — Я передал ей восьмигранник и теперь с замиранием сердца ожидал, какой же она вынесет вердикт моей неожиданной находке.

— Даже не знаю. Похоже на детскую игрушку. И выглядит как новая... Где ты это нашёл?

Надо же, она впервые обратилась ко мне на «ты»!

— Там же, где и все остальное. Ума не приложу, как она смогла уцелеть.

— Покажу ее профессору Буальвинару: может быть, он знает?

Богомол, похоже, не знал. Битых пять минут крутил безтолку мою находку в своих хитиновых лапах да озадаченно шевелил жвалами. Тоже мне, археолог.

Заинтересовались загадочным восьмигранником и все остальные. Он перекочевывал из рук в руки, из лап в лапы, из одной хватательной конечности в другую, но, судя по расстроенному лицу Эльвианоры, ни одно из существ так и не смогло дать вразумительного ответа на, казалось бы, совершенно простой вопрос: что это за штукавина такая и с чем ее едят? Единогласно сходились узники лишь в том, что восьмигранник выполнен из не известного в настоящее время науке неразрушимого материала, что он чрезвычайно легок и никак не реагирует на воздействие внешней среды. Ну или почти никак. Точнее — реагирует он только на мускульное усилие. Иначе говоря, его сегменты можно крутить, проворачивать в разные стороны. Этаким восьмигранный кубик Рубика с письменами, которые, стоило их поставить в определенном порядке, начинали светиться приятным лазурным цветом. Беспольный в общем-то предмет в нашем весьма плачевном положении. Уяснив это, я вернул его обратно в карман и устало прикрыл глаза, желая отрешиться от мира и вздремнуть хотя бы чуток до прихода моего мучителя. Карлик непременно заявится вновь, а после того, как он со своими дружками покинет камеру, мне долго еще будет не до сна. А в вездеходе хорошо, в вездеходе безопасно, и даже почти не трясет...

Хлопок отдергиваемого брезентового полога заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Ну вот мы и приехали, кажется. Каким-то образом я умудрился проشياпить тот момент, когда провалился в сон, и теперь осоловело таращился по сторонам. Вездеход и впрямь стоял у здания, которое низкорослые уродцы превратили в свою базу. Все, конечная остановка. Сейчас нас вновь поведут по длинному коридору, заканчивающемуся знакомой до мельчайших царапин дверью.

— Тебе помочь? — Эльвианора тут как тут. Откуда только силы берутся в этом изнеженном хрупком теле? Видел бы ее сейчас родной папочка: некогда идеальной белизны футболка превратилась в грязную тряпку, на голове не прическа, а какой-то слипшийся бурый кокон, ноги в ссадинах, каблуки... а все, нет теперь каблуков. Вчера я самолично, своими руками, пообламывал их, чтобы она могла свободно передвигаться по пересеченной местности, не рискуя сломать при этом ноги.

Я отрицательно помотал головой:

— Сам справлюсь.

Тоже мне, помощница нашлась. Едва дышит, а все туда же. Да и идти-то, в сущности, совсем недалеко. Делай раз, делай два, делай три... Ноги словно чужие, но я упрямо передвигаю их. Передвигаю, потому что сзади уже пристроился безмолвной тенью один из дружков моего мучителя: стоит остановиться лишь на миг — и это будет ему прекрасным

поводом для того, чтобы огреть меня по хребту своей битой. А вот и заветная дверь. Никогда не думал, что буду так радоваться тюремным нарам.

На этот раз карлик пришел не со своим привычным эскортом, а в сопровождении сухонького старикашки в белом больничном халате. Глумливая улыбка на его, если можно так выразиться, «лице» говорила сама за себя. Похоже, он измыслил нечто новое. А, в сущности, не все ли равно? Мною овладела такая апатия, что даже когда они впритык подошли к нарам, я никак не отреагировал. Просто молча наблюдал, как из кармана тщедушного доктора на свет появляется микроскопический контейнер с прозрачными стенками, а в нем... Что было в нем, впрочем, рассмотреть мне как следует не удалось. В мутноватой белесой субстанции плавала какая-то живность — вот все, что я успел понять до того, как истошно закричала Эльвианора.

— Рота, подъем! Вставай, лежебока, кому говорят!

— Антонина Семеновна, ну, может быть, хватит?

— Вставай-вставай, Танечка уже пирог испекла.

Голос у моей бывшей тещи противный, писклявый, отвратный, занудный до безобразия. Но и игнорировать его тоже нельзя — зацепишься с ней вот так, спозаранку, и сразу потом можно сказать, что день твой будет непоправимо испорчен. Да что там день — месяц. Все соки выжмет, высосет без остатка, зараза.

— Встаю. Будьте столь любезны, выйдите из комнаты, пока я переодеваюсь.

Я знаю, что сейчас услышу удаляющиеся шаркающие шаги, перемежающиеся с неразборчивым бормотанием, тихий скрип закрывающейся двери спальни, а затем наступит долгожданная тишина. Длиться она будет целую минуту, а возможно, даже две, если боги милосердия окажутся сегодня на моей стороне. Две бесценные минуты безмолвия...

«Хе-хе-хе. Что, развела я тебя?»

Вконец обескураженный, открываю глаза и вижу картину, которая ввергает меня в глубокую задумчивость. Вместо ожидаемой спальни, выдержанной в раздражающих пастельных тонах, — обшарпанные стены тюремной камеры, и нары, нары, нары... а на них дрыхнут без задних ног такие устрашающие твари, которые не привидятся и в страшном сне. Да еще эта отвратительная вонь...

Очень медленно, пядь за пядью, сонный морок отступал, освобождая место для существующей реальности. Сейчас самое время возблагодарить Господа за то, что это был всего лишь сон, а моя благоверная и ее маразматическая мать остались в далеком-далеком прошлом.

«Алло, я к тебе обращаюсь!» — Голос из сна по какой-то непонятной причине все еще продолжал раздаваться в голове.

— Антонина Семеновна?..

«Подумать только, какой идиот! Говорила я Танечке: не стоит связывать жизнь с таким ничтожным убожеством!»

— Антонина Семеновна, где вы? — Волосы на моей голове встали дыбом. Неужели это призрак, и старая истеричка нашла меня даже здесь, на этой проклятой планете?

— Илья, тебе нехорошо?

— Эльвианора?

Я был несказанно рад, когда неясная тень соскользнула с соседних нар, и теплая ладонь коснулась моего лба, проверяя, уж не пышет ли тот жаром.

— Мне показалось, что ты говорил во сне.

— Говорил.

Я не знал, как описать Эльвианоре все то, что сейчас происходит со мной, и стоит ли это делать вообще.

— С кем? Тебе что-то приснилось?

— Как бы тебе это сказать...

«Как есть, так и говори, хватит мямлить! Каким был рохлей по жизни, таким и остался! Господи, ума не приложу, что моя девочка нашла в этом куске...»

— Антонина Семеновна! Да заткнитесь вы, наконец!!!

Голос обиженно смолк, даруя блаженное облегчение, смешанное с легким чувством вины за то, что я позволил себе накричать на эту старую женщину, обремененную при жизни не одним десятком болячек, которая неведомо каким образом измыслила способ изводить меня даже будучи бестелесным невидимым призраком.

— Кто такая Антонина Семеновна? Илья, расскажи мне всю правду, или я ничем не смогу тебе помочь.

Я видел, что Эльвианора не на шутку встревожена, и потому скрепя сердце решился-таки поведать историю моего неудавшегося первого брака. Первого — и последнего, ибо ни один нормальный человек не станет наступать на одни и те же грабли дважды. Девушка слушала очень внимательно, почти не перебивая, лишь время от времени задавала уточняющие вопросы. После того как я закончил свое повествование, она довольно долго молчала, сидела подле меня задумчиво, накручивая на палец локон своих некогда прекрасных волос, а затем, когда я отчаялся уже получить от нее вразумительный ответ на вопрос, что же все-таки со мной происходит, начала издали:

— Илья, ты помнишь, что случилось с тобой сегодня вечером?

— Конечно, помню! Этот плоскомордый уродец опять привел ораву своих дружков и... — Я наморщил лоб, силясь припомнить череду дальнейших событий, и вдруг с ужасом осознал, что остальные мои воспоминания покрывает плотная пелена забвения.

Эльвианора правильно истолковала мое молчание:

— Понятно. Не помнишь, значит.

— Не помню... — Я виновато вздохнул.

— Ну ладно, тогда я начну с самого начала. С ними был доктор, он-то и внедрил в твой мозг самку лингвина.

— Правда? Так, значит, я смогу теперь общаться не только с тобой, а и со всеми остальными узниками?

— Все не так просто. — Эльвианора едва не плакала. — То есть общаться ты, конечно, сможешь, но...

— Говори уже, не томи. — Какое-то прескверное предчувствие клещами сжало мою глотку, заставив разразиться приступом сухого лающего кашля. Неужто ко всем прочим своим невздам я умудрился еще и простудиться?

— Дело в том, что разумным существам в изведанной части Вселенной внедряют только самцов лингвина, а самки служат лишь для продолжения рода, и носителями их, в основном, являются особи без малейших зачатков интеллекта. Крупный рогатый скот, например.

— Это еще почему? Чем они хуже?

— С функциональной точки зрения — ничем. Просто у самок лингвина... не очень хороший характер.

— Правда? И в чем это выражается?

— Они... *несносны*. — Эльвианора с трудом подобрала наиболее подходящее, как ей показалось, по смыслу слово. — Да, несносны. Выдержать их присутствие просто невозможно. Даже животные, не говоря уже о существах разумных, в девяноста восьми случаях из ста заканчивают свою жизнь самоубийством еще до того, как самка лингвина успеет обзавестись потомством. Вот почему лингвины настолько дороги, и далеко не каждый может позволить себе роскошь иметь его. Теперь ты понимаешь?

— Понимаю что? — Я никак не мог взять в толк, к чему вообще понадобился моей подруге по несчастью весь этот экскурс в историю. — При чем здесь лингвины, если я тебе

толкую о занудливом призраке моей усопшей тещи?

Эльвианора посмотрела на меня так, словно это я был блондинкой, а не она:

— Попадая в мозг своего хозяина, симбионт получает полный доступ ко всем видам его памяти, включая мгновенную, кратковременную, оперативную и долговременную память. Антонина Семеновна показала самке лингвина наиболее близким по духу существом, поэтому нет ничего удивительного в том, что для налаживания связи со своим носителем она выбрала именно этот образ.

— То есть Антонина Семеновна не призрак, и я не сошел с ума?

— Нет. Пока нет. Но в скором времени это неминуемо произойдет.

Нечего сказать, «приятная» перспектива. Теперь, когда Эльвианора разложила все по полочкам, я наконец-то прозрел, но лучше мне от этого почему-то не стало. То, что в голове моей поселился какой-то червяк, — еще куда ни шло, но теща... теща — это уже слишком, это уже перебор.

— Попробуй договориться с ней: возможно, у тебя получится.

— Ага, сейчас. Да я этой старой мегере слова не скажу!

— Ну как знаешь... — Тяжко вздохнув, Эльвианора полезла опять на свои нары, оставив меня прозябать в гордом одиночестве.

«Эта безмозглая фифа... Надеюсь, у тебя ничего с ней не было?»

— Антонина Семеновна!!!

Так я и провел весь остаток ночи: в пререканиях с призраком некогда безвременно ушедшей, а теперь вновь возвращенной к жизни по прихоти господина Случая зловредной старухи.

Утро следующего дня принесло новые разочарования: проклятая лингвиниха в упор не хотела переводить то, о чем говорили остальные мои сокамерники. Отказывалась — и все тут. Никакие увещевания, никакие доводы здравого рассудка не помогали. Что с ней, что без нее я то и дело натыкался на стену непонимания и сделать с этим ничего уже не мог. Да еще и карлик, мой мучитель, ходил теперь за мною без конца, с жадным любопытством наблюдая за всеми телодвижениями своего подопытного кролика.

Ближе к вечеру всех заключенных буквально всколыхнула следующая новость: прибытие грузового транспортника, долженствующего вывезти награбленное. С ним прибыла также и новая смена охранников, что лично меня, несомненно, не могло не радовать. Об этом мне только что поведала Эльвианора, сейчас она сидела подле меня на нарах и терпеливо ожидала, когда же я, наконец, скажу что-нибудь дельное по поводу создавшегося положения.

— Мы должны завладеть этим транспортником. Сегодня. Иного выхода просто нет.

— А как же мой гелиостроп?

— От твоего гелиостропа одни проблемы. Надеюсь, ты помнишь, что именно из-за него мы здесь и застряли? Да и вообще, всех желающих вместить он явно не в состоянии. — Окинув взглядом камеру, я заметил, что остальные узники внимательно прислушиваются к нашему разговору. — Я хочу, чтобы ты поговорила с сокамерниками. Мне нужно знать, есть ли среди них пилоты, умеющие водить суда подобной модификации.

— Хорошо, я спрошу. Прямо сейчас. — Блондинка упорхнула, но очень скоро вернулась с крайне удрученным видом. — Илья, среди них нет пилотов. Ни одного. — Губы ее мелко подрагивали, еще миг — и она разрыдается, тем самым окончательно выведя меня из равновесия.

— Ну, на нет и суда нет. Кто-то в курсе хотя бы, где именно приземлился транспортник?

— Гуамотарин знает, сейчас я его позову. Он дольше всех находится на этой планете.

Повинуясь повелительному взмаху ее маленькой ручки, со своего места поднялся чешуйчатый рыбоголовый монстр с ничего не выражающим взглядом извечно выпученных оловянных глаз и пухлыми женственными губами. Когда он приблизился, я обратил внимание, что от него здорово несло тухлятиной. Но вида не подал, улыбку даже кривую изобразил, стараясь не смотреть на его покрытое язвами могучее тело. Гигант, судя по его виду, доживал последние дни: вот он, яркий пример перед глазами. То же самое очень скоро будет и с нами, если мы не измыслим способа убраться отсюда побыстрее.

— Спрашивай.

Я повторил свой вопрос по поводу транспортника, и Эльвианора с готовностью принялась переводить серии булькающих звуков, исторгаемых губами гуамотарина. Как оказалось, совсем неподалеку была оборудована небольшая взлетно-посадочная полоса, на ней-то транспортник и совершил посадку. Более того: с утра нас наверняка заставят принять участие в погрузочно-разгрузочных работах.

— Отлично. Теперь узнай у него, какое количество карликов задействовано на охране объекта во время погрузки.

Гуамотарин оказался толковым малым — обрисовал диспозицию от и до. Теперь я точно знал, с чем нам предстоит столкнуться, и знание это не то чтобы успокаивало, я и ранее не особо-то волновался, но зато придавало куда больше уверенности в благополучном исходе завтрашней операции. Эльвианора, однако, моей радужной уверенности не разделяла — ее трясло как осиновый лист, хотя в камере сегодня было на удивление тепло. Успокоив девушку, я вновь устроился на своих нарах и устало прикрыл глаза. Сон упрямо не шел ко мне. Отчего-то вдруг вспомнилась Земля, и сердце сжалось от щемящей тоски по дому. Оказывается, на ней было не так уж плохо, невзирая на все мои злоключения. Хорошее познается в сравнении, только потом мы начинаем ценить то, что потеряно безвозвратно. А, впрочем, безвозвратно ли? Как знать, как знать. Сейчас, именно в эту минуту, мне отчаянно захотелось услышать знакомый до мельчайших оттенков голос.

— Антонина Семеновна! — позвал я тихо, одними губами.

Но голос молчал, и лишь где-то там, за окном, бродяга-ветер выводил свою тихую, едва слышимую человеческому уху, затейливую мелодию...

Резкий гортанный окрик заставил меня испуганно вздрогнуть и открыть глаза. Уродливый плосколицый недомерок. Ну, естественно, кому как не ему будить меня нынче спозаранку вместо того, чтобы дать поспать всласть перед таким ответственным днем, как этот!

— Чего тебе? — Данный вопрос по сути своей являлся сугубо риторическим.

Каково же было мое удивление, когда ротовая полость карлика приоткрылась, и вместо обычного бляения я отчетливо услышал настолько витиеватое изречение матерного характера, что повторить его постеснялся бы любой мало-мальски уважающий себя человек. Тем более в присутствии дам, к коим с натяжкой можно было отнести Эльвианору и троих ее мартышкоподобных подруг.

— Да встаю я уже, встаю! — Покряхтывая, я заставил-таки себя сползти с нар и занять свое место в общем строю, что привычно становился по правую сторону от двери. Весь мой внешний вид говорил о том, как мне сейчас невыносимо больно стоять на своих двоих, на самом же деле настроение у меня просто зашкаливало от радости. Еще бы: впервые за все время Антонина Семеновна, как я по привычке называл своего лингвина, сподобилась-таки

перевести слова чуждого людскому роду создания. И пусть слова те были откровенно нецензурного содержания и до неузнаваемости искажали мою родословную, ошибочно причисляя как меня, так и всю мою родню к низшим видам беспозвоночных животных, да еще и недвусмысленно намекая при этом на мою аномально-нетрадиционную ориентацию, неразборчивость в половых связях, а также непристойное поведение в местах общественного пользования — все равно. Симбионт сменил-таки гнев на милость — вот что главное.

Похоже, не у одного меня настроение было праздничное. Все узники двинулись по коридору таким быстрым шагом, что охранники едва поспевали за нами. Вездехода на улице не оказалось — нас погнали напрямиком через поле туда, где над чахлыми вершинами редкого подлеска поблескивал остроконечный шпиль антенны дальней связи.

Сказать, что вид громадины транспортника меня потряс — значит ничего не сказать. Первое время я даже не понял, что, собственно, стоит у меня сейчас перед глазами — то ли общественный нужник, возведенный по прихоти неизвестного архитектора на высоких металлических подпорках, то ли подлежащая сносу ветхая водонапорная башня немыслимой конфигурации. Оболочка ржавая, вся в потеках. Только с лицевой стороны я насчитал как минимум сорок заплат. И как только эта консервная банка умудряется покорять космические просторы?

— Ты уверена, что это космический корабль? — уточнил я на всякий случай у Эльвианоры и, получив в ответ утвердительный кивок, задумался всерьез и надолго: а стоит ли вообще покидать пределы планеты на этом убожестве? Какая смерть предпочтительнее: сгнить заживо от неизвестной заразы или погибнуть в космосе от удушья?

— Оно летает. — Незаметно подошедший гуамотарин оказался совсем близко подле меня.

— Ладно, где наша не пропадала. Знать бы еще, как управлять этим ржавым куском металлолома!

Ящиков с награбленным оказалось не так уж и много — мы достаточно быстро перенесли большую их часть в грузовой отсек. Еще минут десять — пятнадцать — и погрузка закончится, а я все не решался подать сигнал к нападению. Наконец, когда медлить стало совсем нельзя, коротко кивнул типу в расписном панцире, а сам, в мгновение ока приблизившись к одному из охранников на расстояние вытянутой руки, резко саданул его сомкнутыми костяшками пальцев в шею. Одного удара оказалось достаточно — карлик кулем упал на землю, даже не вскрикнув. Так, что там у нас с остальными?

Жажда жизни временами бывает невероятно сильна. Я еще раз убедился в этом, когда увидел, как хлипкая на вид «мартышка», одна из подружек моей белоголовой спутницы, каким-то непостижимым образом свалила с ног второго охранника и теперь прыгала у него на животе, силясь весом своего тщедушного тельца нанести бедолаге хоть мало-мальски значительные повреждения. К счастью, на выручку к ней вовремя подоспел гуамотарин — этот неповоротливый с виду гигант на поверку оказался достаточно прытким.

— Все вовнутрь, быстро!

Повторять не пришлось: вся наша разномастная компания в едином порыве ввалилась в трюм, сметая на своем пути еще четверку охранников.

«Ящерицу хватай! Хватай ящерицу, дубина!» — Антонина Семеновна вновь подала голос, и я послушно зашарил глазами по полу в поисках искомого объекта.

Вот и она: притаилась под раскрытой дланью одного из охранников и подозрительно таращится на меня своими алыми буркалами. В горячке боя я в упор не могу понять, с какой

стороны к ней подобраться, чтобы не получить плевков в лицо парализующим ядом, и в очередной раз проклиная плосколицых мопсоподобных ублюдков, взявших на вооружение столь нетрадиционное живое оружие. Вот что им мешало, спрашивается, обзавестись бластерами или на худой конец образчиками чего-нибудь огнестрельного?

Наконец мне удается зажать в руке ее извивающееся тело. Как раз вовремя, кстати, поскольку откуда-то сверху уже слышится гулкий топот ног по узкой металлической лестнице. Похоже, что их обладатель на всех парах спешит к месту схватки. С моих губ невольно срывается возглас удивления, когда в проеме появляется его сторбленная фигура, и я вижу, чем он вооружен. Господи ты боже мой! Хреновина, зажатая в руках карлика, только на первый взгляд кажется самым обыкновенным бревном. Медленно, явно рисуясь, «бревно» разевает зубастую пасть — и я падаю на пол, пропуская над собой очередь маленьких тугих комочков. Часть из них с характерным хлюпающим звуком разбивается о стены, но некоторые... некоторые все-таки находят свои цели — об этом говорят истошные крики у меня за спиной и грузное падение чьего-то тела.

«Да стреляй ты уже, наконец!»

Сейчас бы самое время завести с Антониной Семеновной спор по поводу ее неуважительного ко мне отношения, но я понимаю, что на этот раз старая перечница права — еще пара-тройка упущенных мгновений, и все мои товарищи будут мертвы. Или парализованы — в нашем случае это одно и то же.

Легко сказать — «стреляй»... Я провел по брюху ящерицы подушечкой указательного пальца, но вместо ожидаемого плевка парализующей слизью та залилась вдруг приступом неудержимого квакающего хохота, чем окончательно ввела меня в состояние, близкое к ступору.

«Надави. Да не на задницу, идиот! Ну в кого, в кого ты уродился такой ущербный? И родители вроде бы вполне приличные люди...»

Пока Антонина Семеновна обсусоливала таинство моего появления из материнской утробы, мне удалось-таки нащупать заветную точку на теле ящерицы, после которого та разродилась, наконец, плевком в сторону врага. Прوماх. Кто бы сомневался! Стрелок из меня не ахти какой. Зато карлик, увидев в моем лице угрозу, перевел весь огонь на меня. Это и было его ошибкой: не знаю уж, откуда у профессора Буальвинара сохранилось в пороховницах столько молодецкой прыти, но прыжок его был достоин олимпийской награды. Я как-то уже успел и подзабыть, что этот почтенный муж по виду весьма напоминал богомола и, естественно, имел отлично развитые нижние толкательные конечности. Почему-то с каждым днем я все меньше стал обращать внимание на довольно-таки необычный, с точки зрения человека, внешний вид своих сокамерников и подсознательно воспринимал их в точности как себе подобных. Буальвинар, в частности, казался мне этаким престарелым чопорным интеллигентом, педантичным до безобразия. И тут — на тебе! Да еще и эти его жвала — никогда не думал, что они с такой легкостью могут разрывать трепещущую плоть!

— В рубке управления наверняка есть пилоты, — подроспела Эльвианора.

— Я в курсе. Мы с профессором Буальвинаром поднимемся туда прямо сейчас. Ваша задача — проверить машинное отделение, камбуз и жилые отсеки. И еще: мне нужно, чтобы кто-то охранял входной люк. — Выжидающе глядя на одного из своих слушателей — рыбоподобного гуамотарина с непроизносимым именем, я пытался сообразить, сколько уже прошло времени с начала нашего маленького восстания и насколько быстро подойдет

вражеское подкрепление. Весть о захвате корабля наверняка ведь была уже передана на базу пилотами транспортника.

— Хорошо. Я останусь, — ответил рыбоголовый.

— И я. — Это «мартышка».

— Спасибо тебе, Марюгоча.

Та ничего не ответила — она уже была занята отловом еще одной ящерицы, почти полной копии той, что была зажата у меня в руке.

— Я тоже хочу остаться!

Видимо, что-то в моем взгляде все-таки заставило Эльвианору передумать, и она послушно поплелась по лестнице вслед за остальными.

Жилые отсеки, камбуз и машинное отделение занимали весь второй уровень. На третьем же находилась рубка управления — мозговой центр корабля, после захвата которого нашу миссию по освобождению можно было смело считать наполовину выполненной. Сейчас мы уже остались с профессором Буальвинаром наедине — неслышимыми тенями скользили по лестнице до тех пор, пока не уперлись в овальную металлическую дверь. Вот те раз! А я-то, наивный, полагал, что она будет гостеприимно распахнута!

— Кажется, я когда-то присутствовал на лекции по кодированию циклических индуцированных систем расмирстрианского типа и...

— Просто откройте мне эту проклятую дверь.

— Хорошо-хорошо. Минутку...

Прошла минутка, другая, затем третья, а профессор все еще пытался справиться со злосчастным замком и, похоже, все его попытки были абсолютно тщетными.

— Ну скоро там уже?

— Ничего не получается. Придется подбирать код вручную.

— Сколько это займет времени?

Жвала профессора Буальвинара зашевелились, от натуги кожа на его покато лбу пошла бугристыми морщинами:

— Сто восемьдесят два года по системе гуаколянского летоисчисления.

— Это много?

— Как вам сказать... Знаете ли, молодой человек, время — довольно-таки относительное понятие как с научной, так и с философской точки зрения. Можно спорить до бесконечности — много это или мало. Давайте, например, рассмотрим данный отрезок времени на примере образования галактик. Если не принимать во внимание время образования первичного газового облака, иначе говоря — протогалактики, состоящей на семьдесят пять процентов из водорода и на двадцать пять процентов — из гелия, и взять конечный момент ее появления за нулевую точку отсчета, хотя это, несомненно, с точки зрения науки отнюдь не является правомерным, то...

«Код — два-четыре-ноль-восемь-четыре-шесть-три-пять. Во имя всего святого, заткни эту ходячую энциклопедию, или я за себя не отвечаю!!!»

От удивления я едва не осел на пол. Оказывается, мой лингвин, а точнее — лингвиниха, все это время знала код от злосчастной двери и молчала, совершенно не заботясь о том, что благодаря ее преступной халатности все мы могли погибнуть.

— Антонина Семеновна, вы... — у меня просто слов не было для того, чтобы членораздельно описать всю низость такого поступка.

А может быть, симбионт просто чересчур уж вжил в свою роль? Теща-то у меня была

не подарок, земля ей пухом да медовый пряник у изголовья могилы. Хотя... судя по тому, что рассказывала мне о самках лингвина Эльвианора, эти две личности были одного поля ягоды. Спрашивается: ну почему мне вечно везет на одиозных дамочек бальзаковского возраста с явно выраженным синдромом Наполеона и до крайности сквалыжным характером?

— Вы что-то сказали?..

Ни слова не говоря в ответ, я оттер плечом Буальвинара от двери и торопливо принялся вводить код. Никогда не забуду его взгляда, когда та бесшумно отъехала в сторону, являя нашим взорам внутреннее убранство рубки управления. Словами такое не описать. Есть некоторые вещи, которые надо просто видеть.

Рубка и впрямь не была пуста — в ней находилась парочка карликов, которые, едва завидев нас, тотчас же бросились наутек. А бежать в общем-то было и некуда! Сейчас самое время попрактиковаться в стрельбе из моего живого оружия. Ну и где у нас здесь прицельная мушка? Я повертел в руках ящерицу, но ничего похожего на искомую принадлежность так и не обнаружил. Ладно, не проблема, будем целиться между кисточками ушей, благо они у нее, можно сказать, стационарные и почти не шевелятся.

На этот раз первый же плевок моей ящерицы достиг цели, и один из карликов, нелепо взмахнув руками, повалился навзничь. Ай да я, ай да молодец! Сейчас мы и второго достанем.

— Кто не спрятался — я не виноват! — гаркнул я зычным басом, после чего в одном из подвесных шкафчиков (и на кой они только нужны в рубке управления) что-то тихонько пискнуло, а затем оттуда вывалилось безвольное тело в знакомом сером балахоне.

«Инфаркт миокарда. Отмаялся, сердечный», — подытожила Антонина Семеновна и вновь заткнулась, давая мне тем самым время на размышление.

— Простите, быть может, я не до конца посвящен в ваши планы или чего-то не понимаю, но вы только что нейтрализовали обоих пилотов. Ума не приложу, каким образом мы теперь сможем покинуть пределы планеты?

А и правда: каким? Только сейчас, после вопроса Буальвинара, я понял, какую только что совершил глупость.

— Спокойно, все под контролем!

Одного-единственного взгляда в иллюминатор хватило для того, чтобы убедиться: дела наши очень и очень плохи. На всех парах по полю неслись два вездехода. Максимум через пять минут они будут здесь, а гуамотарин с «мартышкой» вряд ли смогут долго сдерживать во много раз превосходящие силы противника.

«Антонина Семеновна: если вы знаете, как управлять транспортником, то сейчас самое время поставить меня в известность об этом». — Я мысленно проговорил эти слова, надеясь только на чудо.

«Антонина Семеновна такая, Антонина Семеновна сякая, а как только припекло, так сразу прячемся к ней под юбку?»

Я пристыженно потупил взор. В сущности, если разобраться, то так оно в последнее время почему-то и получалось, как ни тяжело было это признавать.

«Ладно уж, потом благодарить будешь. Подойди к панели управления. Так, хорошо. А теперь молись, чтобы твою задницу ускорением по полу не размазало!»

«А дальше?»

«А дальше я возьму управление твоим телом на себя, болван!!!»

Что было потом? Довольно сложно описать подобные ощущения. Меня словно

выключили: никаких чувств, никаких мыслей — только холодная отрешенность статиста, с полнейшим равнодушием наблюдающего за происходящим. А затем и этого не стало. Последнее, что я успел заметить перед тем, как провалиться в нирвану небытия — это мои пальцы, бегающие по клавиатуре панели управления транспортником с немыслимой, невообразимой для человеческого существа скоростью.

— Илья, ты настоящий герой! Ты даже не представляешь себе, как мы все тебе благодарны!

— Да ладно, чего уж там, не стоит. Любой на моем месте поступил бы в точности так же.

— Нет, не любой. Ты самый необыкновенный, самый умный, самый добрый, ты... — Глаза Эльвианоры горели таким обожанием, таким искренним восхищением, что я счел за лучшее пока умолчать о том, кому на самом деле мы были обязаны своим чудесным спасением. Если рассуждать логически и здраво — то зачем симбионту, засевшему в моей голове, такое эфемерное понятие, как слава? Правильно, незачем. А я вот, пожалуй, не прочь понежиться в ее лучах, тем более что Эльвианора становится такой милой, когда с энтузиазмом расписывает мои многочисленные добродетели.

— А что, бульона уже не осталось?

— Ой, и правда! Сейчас принесу, я мигом! — Она любовно протерла мне губы салфеткой и упорхнула, оставив о себе в качестве напоминания лишь тонкий запах духов.

И когда только эта пигалица успела привести себя в порядок? Даже футболку с шортами постирала, да и волосы ее теперь вновь сияют первозданной белизной. Видимо, я пробыл без сознания гораздо дольше, чем предполагал ранее. Ну да ладно, невелика беда. Главное — что мы уносились от проклятой планеты все дальше, а трюм наш был заставлен ящиками с древними, как мир, побрякушками из драгоценных металлов, которые наверняка стоят кучу денег. Из путаного полуторачасового рассказа моей блондинистой подопечной я вычленил целых три важные вещи. Первая: прежде чем потерять сознание от перенапряжения, как думали мои сотоварищи, я успел произвести взлет с планеты и, более того, запрограммировать автопилот корабля на одном лишь мне известные координаты. Вторая: я самый лучший, самый умный, самый смелый, в общем — самый-самый. И, наконец, третья, плавно вытекающая из второй: за свои многочисленные заслуги перед узниками на общем голосовании я был избран единогласно на должность капитана данного транспортного судна с сопутствующими этому титулу привилегиями и полномочиями вплоть до прибытия корабля в ближайшую развитую планетную систему. Так-то вот. Как говорится, знай наших. От гордости меня так раздуло, что, казалось, еще чуток — и я просто лопну, растекусь по койке лужицей розовой протоплазмы.

Кстати, а где это я? Ба, да судя по кричаще-роскошному убранству каюты, не иначе как в капитанских апартаментах! Повсюду картины развешаны в щедро украшенных позолотой рамках; на самом почетном месте, строго посередине одной из стен, в стеклянном футляре закреплен макет этакой гигантской вилки, откровенно смахивающей на один из причиндалов небезызвестного морского бога. Или это не макет вовсе? Блестит как-то уж очень заманчиво. Неужто он и впрямь из чистого золота? Мое любопытство оказалось сильнее лени, и вскоре осколки от футляра уже валялись на полу, а пятерня моя крепко сжимала рукоять заветного трезубца. Действительно — золото. Уж в чем в чем, а в этом я по праву могу считать себя настоящим докой.

Заметив краем глаза вошедшую Эльвианору, я осторожно прислонил свой трофей к стене, обернулся и вопросительно уставился на девушку.

— Твой бульон.

— Да что-то не хочется уже. На тумбочке оставь — потом похлебаю.

— Кстати, там наши тебя уже заждались давно. Ты хорошо себя чувствуешь? Идти сможешь?

— Смогу. Меня вот что интересует: как долго я провалялся без сознания?

— Почти двое суток. А что?

— Ничего. Так просто спросил. В перестрелке пострадавших не было?

— Нет. Двоих задело, но они уже полностью отошли от воздействия парализующего яда.

— Карлики?

— Мы их заперли в одной из кают, не беспокойся.

— Ладно, пойдем. — Следуя за Эльвианорой, я все время думал о том, что неплохо бы помыться, а то воняю как сивый мерин, ей-богу. А то, что моя провожатая от меня еще нос не воротит — так это и не показатель вовсе, а просто следствие ее хорошего воспитания. Как-никак дочка диктатора, ей по статусу оно полагается.

Мое появление в рубке управления было встречено продолжительными овациями. Хлопали все, исключая разве что профессора Буальвинара — тот просто тер свои передние конечности друг о дружку, создавая при этом довольно-таки неприятные скрежещущие звуки. Тем не менее мне было приятно. Чертовски приятно.

— Значит, так, — начал я издалека, когда овации пошли на убыль, — я очень хорошо представляю, как нелегко было каждому из вас в последнее время, через что вам пришлось пройти ради того, чтобы обрести долгожданную свободу, но теперь... теперь вы можете быть спокойны. Осталось совсем немного — очень скоро корабль достигнет точки назначения, а уже оттуда каждый из вас полетит туда, где находится его дом.

На некоторое время стало тихо, а затем рубка вновь взорвалась аплодисментами. И лишь одна из «мартышек», Карлиния, кажется, задумчиво косилась в мою сторону с довольно-таки кислым выражением на сморщенном миниатюрном личике.

— Ты что-то хотела спросить?

— Мы уже двое суток как находимся в полете, а насколько я знаю, корабли этого класса достаточно быстроходны. Отсюда вопрос: почему мы до сих пор не достигли ближайшей населенной планеты? Куда мы летим, капитан? Ведь это именно вы запрограммировали автопилот.

Да, вопрос, что называется, в яблочко.

«Антонина Семеновна?..» — Я вновь мысленно обратился к старой мегере, поселившейся в моем черепе, но в ответ получил лишь превосходно визуализированную картинку кукиша.

— Видишь ли, Карлиния, пока что это закрытая информация. Но обещаю тебе, что в самом ближайшем будущем...

Что случится в самом ближайшем будущем, я озвучить так и не успел — корабль вдруг резко дернулся, набирая ускорение, и все, кто не удосужился вовремя среагировать, кубарем покатались по гладкому как стекло полу. Включая меня, естественно. Ядрен батон да кило печенки! Ну почему, почему вместо того, чтобы как все нормальные люди совершить вынужденную посадку на ягодичные мышцы, я всегда прикладываюсь ко всем твердым поверхностям именно своим многострадальным носом? Видимо, господь все-таки схалтурил, порождая меня на свет, и голову приклеил не там, где нужно. Ладно, попробуем все-таки проанализировать создавшееся положение, пока остальные мои попутчики пытаются уяснить, что же такое произошло. Итак: транспортник и не думает

останавливаться. Даже наоборот — еще и прибавляет в скорости, хотя и до этого несся как угорелый, напрочь игнорируя возможные места для посадки. Какой из этого можно сделать вывод? А вот какой: лингвиниха, обосновавшаяся в моей голове, вовсе не заинтересована в том, чтобы пассажиры данного транспортного средства благополучно сошли на берег. Или на сушу. Не знаю уж, как там у космонавтов это называется. Она преследует какие-то свои цели. Но для чего мы ей нужны, в таком случае? Искрометная мысль, родившаяся в моем поврежденном от постоянных побоев левом полушарии мозга, внезапно выползла наружу, заставив правое полушарие потрясенно застыть, замереть в пугающе холодной неподвижности, намертво сковав его арктическим холодом прозрения. Да Антонина Семеновна попросту хочет сжить меня со свету! *Меня!* И корабль этот отныне не что иное, как тюрьма, которая будет болтаться в глубинах неисследованного космоса до тех пор, пока в баках не закончится топливо, а затем... затем она зависнет среди звезд грудой мертвого металла и никому, абсолютно никому не будет дела до той трагедии, которая начнет разыгрываться за его изъеденной коррозией обшивкой!

— Эльви, Эльвианора! Прости, прости меня ради бога! Это я во всем виноват!..

«Заткнись, дурак! — визгливый выкрик Антонины Семеновны прозвучал как гром среди ясного неба. — В чем ты виноват?»

— Одну минутку... — Смекнув, что злобредная старушеница сменила-таки гнев на милость, я вовремя прикусил язык.

«Вот скажи: откуда у тебя в голове такие мысли берутся? Вроде бы все как у людей: извилина там, извилина сям...» — В голосе старой гримзы впервые прозвучали нотки миролюбия.

«А что я должен был подумать?»

«Да что угодно, но только не это! Ведь нахожусь-то я не где-нибудь, а именно в твоей черепушке, и знаешь ли, совершенно не готова пожертвовать жизнью ради того лишь, чтобы насолить своему симбионту!»

«Тогда почему же вы молчали все это время?» — Наконец-то я позволил себе бросить мимолетный взгляд на Эльвианору. Моя подопечная была настолько удивлена интригующим началом несостоявшейся исповеди, что даже забыла поправить упавший на лицо непокорный локон. Да и все присутствующие в рубке, похоже, тоже крайне удивились. Хорошо еще, что они не могли слышать нашего с Антониной Семеновной разговора!

«А ничего, что кое-кто незаслуженно присвоил себе лавры героя-спасителя, даже вскользь не упомянув о бедной старой женщине, вынужденной влачить жалкое существование в этом комке перезрелой слизи, который люди по скудоумию своему называют головным мозгом? Между прочим, здесь довольно темно и чертовски воняет плесенью!»

Ну, с плесенью это она, конечно, перегнула палку. А вот касаясь всего остального...

«Простите, я и подумать не мог, что вам действительно это нужно. Хотите, я расскажу всю правду прямо сейчас?» — Не дожидаясь ответа, я поднялся наконец с пола и сделал глубокий вдох, готовясь произнести самообличительную речь, после которой в глазах роскошной блондинки окажусь не просто тряпкой, такой безвольной куклой, управляемой рукою умелого кукловода, но еще и самым распоследним треплом.

— Попрошу минутку внимания! Господа, я вынужден поставить вас в известность... дело в том, что... мы летим на планету Кардаманарию. Там я всех высаживаю, а дальше наши пути расходятся. Я обязан помочь народу лингвинов в борьбе за обретение

независимости на одной из планет приграничного сектора галактики.

Слова были не мои. Язык — тоже. Ума не приложу, как Антонина Семеновна умудряется брать под контроль отдельные части моего тела. И почему лингвины присутствующих не ведут себя точно таким же хамским образом?

На какое-то время установилось гробовое молчание. А затем... затем, когда я обессиленно присел на одно из кресел и устало прикрыл опухшие синюшные веки, то почувствовал вдруг, как чьи-то теплые, некогда такие холеные ручки любовно обвили меня вокруг моей шеи, а голосок, мелодичнее и нежнее которого нет ничего на свете, вновь затянул такую знакомую, но так и не успевшую набить оскомину песню: «Илья, ты самый красивый, самый умный, самый добрый, ты самый-самый!»

— А почему именно на Кардаманарию? — Этот вопрос задал гуамотарин, когда я случайно столкнулся с ним в коридоре, покидая после дневной вахты рубку управления.

— Кардаманария — планета с нейтральным межгалактическим статусом. Соверши мы посадку на какой-нибудь иной, и корабль немедленно арестуют как минимум до выяснения обстоятельств. А без корабля, сам понимаешь, затея со спасением лингвинов обречена на провал...

Гуамотарин понимающе осклабился, выставив напоказ два ряда острых как у пилы зубов:

— А также конфискуют наш драгоценный груз... — Его невыразительная рыба морда так и лучилась от счастья — не иначе как проклятое земноводное уже представляло себе, как лихо будет кутить на свою долю, полученную от продажи безделушек, что пылились сейчас у нас в трюме.

Немыслимо! Неужели он и вправду решил, что я возьму и вот так просто разделю добычу между бывшими рабами, а ныне довольно-таки бесполезными членами моего экипажа? Интересно, что по этому поводу думают все остальные? Надо будет спросить у Эльвианоры как-нибудь ненароком — уж она-то точно в курсе всех пересудов и сплетен, что курсируют в нашем небольшом и до крайности разношерстном коллективе.

Завалившись в каюту, я вновь оккупировал капитанскую койку. Некоторое время лежал недвижимо, раз за разом прокручивая в памяти последний разговор с Антониной Семеновной, произошедший сразу же после того, как она опять позволила себе без спросу воспользоваться моим телом. И хотя старуха вновь выручила меня, помогла-таки в который раз выкрутиться из щекотливой ситуации, на душе моей почему-то все равно скребли кошки. Она играла мной, играла в точности так же, как в свое время играла теща! И эти проникновенные речи о помощи в борьбе за независимость лингвинов... Такое меркантильное существо вряд ли будет задумываться о чем-то подобном. Нет, здесь сокрыта какая-то тайна. Но вот какая? Похоже, придется изрядно поломать голову для того, чтобы разгадать ее. Так ничего и не надумав, я позволил своему измученному организму сделать то, что необходимо было в данном конкретном случае. А именно — провалиться в глубокий сон. Но даже там меня продолжала доставать эта зловредная старая кляча.

— Так вот ты какая, Кардаманария! — Глядя по сторонам, я никак не мог избавиться от ощущения, что нахожусь не где-то у черта на куличках, а именно на матушке-Земле. И хотя разум упорно твердил обратное, зрение и обоняние упрямо отказывались воспринять это как данность.

— А здесь ничего, миленько!

Я сделал вид, что пропустил высказывание своей блондинистой попутчицы мимо ушей. Тоже мне — «миленько»! Обшарпанные высотки, построенные, казалось, еще в те времена, когда первые земноводные только-только выползли на сушу и принялись осваивать прибрежную часть континента, нестройными рядами уходят куда-то за мутновато-коричневую линию горизонта. Грязь, туман, слякоть, копоть, смог от бесчисленного сонмища автомобилей, снующих взад-вперед по растрескавшимся лентам дорог, жалобное мигание уличных фонарей, которые были не в состоянии разогнать извечный унылый полумрак, — и над всем этим «великолепием» восходило слабосильное рыжеватое светило.

— Да уж...

Слов для того, чтобы высказать мое отношение к увиденному, попросту не было. Я даже несколько растерялся, не зная, куда же в первую очередь следует направить свои стопы. Так, что там говорил таможенник, когда узрел содержимое нашего трюма? Я улыбнулся, вспомнив его вытаращенные сверх меры очи и алчущий взгляд, который не смогли остудить даже несколько преподнесенных в дар поблескивающих безделушек. Похлопал себя по карману — визитка, походя врученная служителем таможни, никуда не делась. А хотя если и делась бы — все равно я наизусть знал то, что на ней было вытиснено неровными позолоченными буквами: «И. О. Флопикус-младший; оптово-розничная торговля предметами роскоши, ювелирными изделиями, а также предметами первой необходимости». И адрес: «улица Пернатых флибустьеров, 449, блок Б». Да, пожалуй, вот туда-то мы и направимся прямо сейчас. А все эти магазинчики-забегаловки, на которые с таким вожделением поглядывает вышагивающая бок о бок со мной голубоглазая красотка, пусть пока подождут. Делу — время, потехе — час.

Сверившись с приобретенной на космодроме картой, я подхватил под локоток Эльвианору и поспешил в требуемом направлении.

— О слава Великому Терихоандронасу!!!

— Нет, только не это!

— В чем проблема? Я хочу купить себе туфли!

— Мы спешим. И тебе нельзя пользоваться карточками, ведь они наверняка отслеживаются «Межгалбанком». А твой отец...

— Ну ладно-ладно, я поняла. — Плечи Эльвианоры поникли, а в уголках глаз заблестели непрошеные слезы.

Сам не желая того, я надавил на самое болезненное место, ведь Эльви чертовски переживала об отце. Как он там? Что с ним? Решил ли все свои проблемы, а если решил, то почему тогда не позаботится о ней, ведь с его влиянием и властью найти потерянную дочь вообще не составляет труда? На все эти вопросы у нее, да и у меня тоже, ответа пока не было. Не было, а ведь полагалось уже давно быть, ведь не век же мне таскать за собой эту размалеванную куклу?

— Я обещаю, что как только мы получим наличные за груз, я немедленно изыщу способ связаться с твоим отцом. Уловила?

— Хорошо. — Она нехотя кивнула и покорно поплелась рядом. Даже сейчас выглядела Эльвианора просто преотлично, хотя туфли с отломанными каблуками изрядно портили общую картину.

И. О. Флопикус-младший оказался приземистым крепышом с близко посаженными глазами и клювом на пол-лица. Когда же он встал из-за стола, приветствуя посетителей,

оказалось, что спину его венчают черные перепончатые крылья.

— Что вам угодно?

Ни слова не говоря, я выложил на стол диадему, украшенную дюжиной алмазов чистой воды, а также горсть золотых колец.

— И это все? Да будет вам известно, молодой человек, — мы работаем по-крупному.

— Я в курсе. — Наблюдая за тем, как узкая, покрытая бурыми роговыми пластинами, четырехпалая клешня неспешно подбирается к диадеме, я позволил себе короткий вымученный смешок. Ведь, несмотря на внешнее безразличие, ворон-переросток весьма заинтересовался небрежно разбросанными по мраморной столешнице лакомыми побрякушками, в этом никаких сомнений нет!

— Сколько у вас этого... такого... барахла?

— Таким *барахлом* под завязку забит весь трюм моего транспортника. Так что будьте столь любезны, давайте немедленно перейдем к делу, поскольку в мои планы входит как можно быстрее покинуть эту гостеприимную планету. Надеюсь, мы с вами правильно поняли друг друга?

— Да-да, несомненно!

— Илья, а можно я в коридоре подожду? С детства терпеть не могу присутствовать при проведении всяческих сделок!

— Ну хорошо, иди. Только из вестибюля — ни ногой! Ты меня поняла?

Мимолетный кивок, утвердительная улыбка, и моя спутница исчезла за глухо лязгнувшей дверью кабинета. Мы же с моим партнером, нахохлившись словно два боевых сокола перед битвой, принялись с энтузиазмом обсуждать детали предстоящей финансовой операции. Уже вечерело, когда я переступил наконец порог злополучного кабинета. Переговоры прошли вполне успешно: правый карман моего пиджака оттягивала внушительная пачка банкнот — плата за предоставленные образцы товара. В левом же с комфортом расположилась копия предварительного договора, по которому клювокрылый (так я мысленно именовал это пернатое чучело) обязан был в течение двух суток выкупить у меня за кругленькую сумму все имеющиеся на борту украшения из драгметаллов, включая даже золотой трезубец, найденный в каюте капитана. Какая удача, что перед выходом я додумался воспользоваться визуализатором и в подробностях запечатлеть умыкнутые у карликов трофеи!

Я успел протопать по улице два квартала, прежде чем уяснил, что чего-то все-таки не хватает. Похлопал по карманам: деньги на месте, договор тоже. Карта? Да вот же она! Чуть помятая, но не критично, ею вполне еще можно пользоваться. Ускорив шаг, не оглядываясь поспешил в сторону космодрома, но неприятное ощущение не проходило. А может, всему виною предвечерняя мгла, наползающая на город с пугающей, воистину неземной скоростью?

— Господи ты боже мой! Эльвианора!.. — Озарение пришло внезапно, словно ушатом холодной воды окатило. — Эльви! — заорав как резаный, я заметался в поисках пропажи. — Эльви-и-и!!!

Ни-че-го... Только стайка прохожих, вспугнутая криками мечущегося безумца, торопливо обходит меня стороной, бросая украдкой взгляды, полные укоризны.

— *Эльви-и-и!!!*

Замызганные обои неопределенного цвета и потолки, заниженные настолько, что, казалось, стоит лишь выпрямиться в полный рост, и ты непременно впечатываешься теменем в толстый слой смешанной с жиром копоти. Колченогие столы, стулья. Твари, что расположились на них, ничего кроме отвращения и гадливости не вызывают. Стойка бармена. Граненый стакан у меня в руке. Благодаря ему память услужливо рисует мне шефа из той, прошлой жизни. Где ты сейчас, ущербный старик со скрюченными артритом пальцами и глазами обиженного ребенка? Никому не нужный, всеми брошенный, ты наверняка сидишь в точности так же, как я, наедине со своим граненым стаканом.

«Гнилое место. Гнилое место», — раз за разом повторяя мысленно эту фразу, я глотал пахнущую специями янтарную жидкость. Замирал на время, прислушиваясь к тому, как она прокатывается по пищеводу, обволакивая тело блаженным теплом. Внутри меня словно что-то сломалось. Какая-то невидимая деталь, без которой жизнь одним махом потеряла вдруг всю свою былую притягательность.

— Не занято?

— Садись.

В сторону говорившего я даже не глянул. Какая, по большому счету, разница, чья туша мостится сейчас на жалобно поскрипывающем стуле по соседству?

— Что смурной-то такой? Потерял, мож, чего или баба из дому выгнала? Эй, разлюбезный, я к тебе обращаюсь!

— Да иди ты!

После некоторых раздумий все-таки заставил себя повернуть голову. Ничего экстраординарного: кабанистый мастодонтоподобный субъект с бегающими свинячьими глазками. Череп его лоснится от пота, на пятак налипли крупички белой кашеобразной субстанции — не иначе как остатки недавнего ужина.

— Советую тебе быть чуточку повежливее. А то, знаешь, потом можно ведь и через прорезь в горле отобедать. Или отужинать. Хе-хе!

— Чего надо? — Обрисованная свином перспектива ничуть меня не смутила. Даже наоборот: как-то встряхнула, что ли. Прояснился разум, кровь забурилась по жилам, разгоняя остатки алкогольного дурмана с воистину спринтерской скоростью. И зачем только пил, спрашивается?

— Не это ищешь? — Под его лапой было что-то зажато, какой-то прямоугольный лоскут бумаги. Фотография?

Уловив искру заинтересованности в моем взгляде, кабан удовлетворенно хрюкнул. Торопливо протянул листок, словно боясь, что его невменяемый оппонент вот-вот передумает.

Да, действительно, фотография. Трехмерная. На ней белозубо улыбается сногшибательная блондинка в коротком платье из какого-то невесомого, переливающегося всеми цветами радуги материала. Блондинка явно позирует — правая нога ее слегка выдвинута вперед, демонстрируя удивительной красоты туфли на тончайших каблучках-шпильках. Шикарные и наверняка жутко дорогие. Топ-модель, элитная проститутка или дочка местного миллионера. От всего вида девицы веет счастливым беззаботным благополучием и... какой-то трогательной полудетской наивностью, совершенно неуместной

в этом довольно-таки стереотипном образе пресыщенной жизнью самки.

— Ну и зачем ты мне это показываешь? — Разочарование мое было столь велико, что я не заметил даже, как опрокинул в себя новую порцию отвратительного пойла с труднопроизносимым названием, которое официанты подливали своим клиентам с завидной ловкостью. Кабан оказался самым обыкновенным сутенером, которых пруд пруди в любом уголке галактики и далеко за ее пределами. А я-то грешным делом надеялся, что...

— Как, разве вы не узнаете? — отчего-то мой собеседник внезапно перешел на «вы».

— Кого, эту что ли?

— Ну да, ее. Будьте любезны, посмотрите, пожалуйста, еще раз.

Пожав плечами, я вновь потянулся к снимку. Хм, черты лица вроде бы знакомы, но вот касаясь всего остального...

— Нет, не знаю.

— Не может быть! — Свинтус встревожился не на шутку. Полез в карман за очками, водрузил их на нос, отчего стал похож на прощельгу-профессора, у которого, как говорится, рыльце в пушку. — Да это же Эльвианора Энчана Онбраузен, урожденная Берусперион, дочь Карама Беруспериона, экс-правителя одиннадцати планетных систем, а также пояса тритауриевых астероидов!!!

За дурака меня держит? Да кто он такой, если думает, что я не узнаю свою Эльви, в растянутой белой футболке и рваных шортах? Конечно, по-хорошему, им давным-давно место на свалке или в мусорном баке, но... И тут меня осенило: а что если боров действительно говорит правду? Приглядевшись более внимательно к фотоснимку, я вдруг замер, не в силах оторваться от пары широко распахнутых глаз, безбрежной голубизне которых могло бы позавидовать само небо.

— Ну вот, теперь вижу, что вы наконец-то узнали изображенную на снимке особу! Позвольте представиться: мое имя Симониус Спармм, я адвокат и по совместительству владелец охранно-сыскного агентства «Азарис». У нас весьма широкий спектр услуг, с перечнем которых вы можете ознакомиться либо посетив наш сайт, либо, так сказать, получив информацию из первых уст...

— Где Эльвианора?! — Одно-единственного мгновения хватило мне для того, чтобы приблизиться вплотную к говорившему и сомкнуть пальцы на его толстой щетинистой шее.

— Прекратите немедленно, вы привлекаете ненужное внимание! А это, можете мне поверить, отнюдь не в ваших интересах! И вообще, прежде чем душить, могли бы и выслушать — для разнообразия. Я и так вам все скажу!

Действительно, с чего это я? Нервы в последнее время что-то совсем ни к черту... Оставив шею свина в покое, я вернулся на свое место и выжидательно уставился на безвинно потерпевшего.

— Итак, начнем с самого начала. Эльвианора Энчана Онбраузен, дочь Карама Беруспериона, была задержана органами правопорядка в одном из супермаркетов торговой сети «Кай-Кай» при попытке расплатиться за товар собственной картой «Межгалбанка».

— Она что-нибудь украла?

— Нет, конечно!

— Тогда в чем ее обвиняют?

— Как, вы не знаете?..

— Рассказывай все по порядку. Я устал, и мне чертовски не хочется вступать с кем-либо в бессмысленную полемику!

— Все дело в ее отце. — Кабаноподобный субъект с дурацким именем Симониус слегка замялся. Затем чуть погодя продолжил, почесывая шею в том месте, где совсем недавно сомкнулись мои пальцы. — Карама Беруспериона на днях свергли. Смертный приговор может быть вынесен и приведен в исполнение в любую минуту. А что касается его дочери — то ее обвиняют в уклонении от налогов. Дело наверняка сфабриковано и в скором времени лопнет, как мыльный пузырь, но ведь мы с вами оба понимаем: достаточно Эльвианоре Энчане Онбраузен лишь оказаться за решеткой, и жизнь ее не будет стоить ломаного гроша. Враги экс-диктатора позаботятся о том, чтобы убрать с доски *такую* фигуру.

Вот, значит, оно как. А ведь мой собеседник не врет! Очень уж все логично. Логично и расписано как по нотам. Глупышка Эльви, что ж тебя угораздило-то так вляпаться!

«Руки в ноги — и сваливаем, пока корабль не опечатали!!!» — Это Антонина Семеновна, мой драгоценный лингвин, подала наконец голос, от неожиданности заставивший меня вздрогнуть. А вот фигурки!

— Любезнейший, ты-то чем можешь мне быть полезен? Наверняка ведь разыскивал меня не просто из альтруистических побуждений?

— Вы удивительно прозорливы! — Быстрые, как ртуть, глазки Симониуса масляно заблестели в предвкушении скорой наживы.

«Одиннадцатый, я Четвертый. Как слышите меня? Прием».

— Четвертый, слышу вас хорошо. Доложите обстановку.

«Докладываю: цель в пределах видимости. Разрешите приступить к операции?»

— Разрешаю. — Отложив коммуникатор, Симониус повернул ко мне голову: — Ну вот видите — у нас все как по нотам.

— Вижу! — буркнул я и поморщился, вспомнив о цене, которую мне придется заплатить за услуги своего расторопного компаньона. Одиннадцать миллионов туберов. Одиннадцать!!! Чтобы наскрести требуемую сумму, с утра мне пришлось не только продать И. О. Флопикусу-младшему все драгоценности, как было предусмотрено условиями договора, так еще и сгонять на невольничий рынок. Захваченные нами в плен карлики, бывшие хозяева, «ушли» оптом непростоительно дешево, но именно этих денег мне как раз и не хватало. Хорошо что хоть транспортник удалось сохранить! А гуамотарин-то как бесновался, когда я в подробностях пересказал произошедшую с Эльвианорой историю! А остальные! Хотя многие и сочувствовали, конечно. Стоит отдать им должное, в особенности профессору Буальвинару — ведь именно за его счет бывшие пленники теперь отправятся по домам.

Коммуникатор вновь ожил, выплюнув какую-то кодовую фразу, и харя сидящего подле меня свина растянулась в довольной ухмылке. Следует сказать, довольно-таки неприятное зрелище, особенно для того, кто уже успел плотно позавтракать.

— Все прошло лучше, чем мы ожидали. Даже обошлось без стрельбы!

— Эльвианора?!

— Не волнуйтесь, с ней все в порядке. Как насчет второй части суммы?

— Получишь после того, как я увижу ее целой и невредимой на моем корабле.

— Как вам будет угодно. Вы даже не спросите о деталях операции? Между прочим, довольно нелегко было вызволить вашу подопечную из-под стражи, нам очень повезло, что именно сегодня ее решили перевезти из камеры предварительного заключения в муниципальную тюрьму.

— Детали меня не интересуют.

— Ну как знаете! — Настроение у борова просто зашкаливало от радости. Еще бы — получить такую уймаищу денег, самому при этом не пошевелив даже пальцем! Я же, наоборот, сидел чернее тучи, раз за разом мысленно представляя себе, какую «теплую» встречу организую своей непутевой белокурой спутнице.

Авто, в котором мы находились сейчас с Симониусом, беззвучно тронулось с места и, ведомое твердой рукою водителя в мышинового цвета униформе, вскоре влилось в общий поток разномастных транспортных средств, несущихся по четырехполосной дороге с поистине бешеной скоростью. Не прошло и десяти минут, как мы уже подъезжали к космодрому, целому комплексу обшарпанных восьмиэтажных зданий, соединенных между собой переходами из полупрозрачного, отдаленно напоминающего пластик материала. Нам повезло — парковочное место нашлось практически сразу.

— Мне вас тут подождать?

— Нет уж, пройдемте со мной!

Не спеша, стараясь не выделяться из общей массы, мы прошествовали к терминалу 14 «Б», купили билеты на кар и вскоре уже неслись по нескончаемому бетонному полю, огибая громады космических кораблей. Один из них мне особо понравился: белоснежный каплевидный красавец, покоящийся на шести силовых опорах приятного изумрудного оттенка, он гордо устремлял высоко-высоко в небо свой носовой шпиль — казалось, такой хрупкий, что стоит к нему лишь прикоснуться пальцем, и он обломится, упадет наземь, словно сталактит с потолка пещеры Сорек.

— Красавец, не правда ли?

Я лишь молча кивнул, выискивая глазами неказистую тушу своего транспортника.

— Илья!.. Илюша, дорогой!!! — Эльвианора встретила меня с распростертыми объятиями у самого трапа, молнией метнулась навстречу и принялась осыпать мое лицо такими жаркими поцелуями, что обличительная тирада, которую я так долго репетировал, вдруг мигом выветрилась из моей памяти. Покосился на свина. Так и есть — поганец щерится в ехидной улыбке.

— Да ладно, ладно, чего уж там... — Глядя в светящиеся обожанием глаза красотки, я и сам, признаться, изрядно преисполнился волнительностью момента.

Пожалуй, можно было бы потерпеть еще какое-то время ее приставания, если бы не вежливое покашливание Симониуса...

И все-таки галактика наша полна сюрпризов. Подумать только — ведь совсем недавно я был самым наиобыкновеннейшим из смертных, погрязшим в каких-то надуманных, приземленных, зачастую совершенно банальных проблемах! А сейчас? Сейчас я капитан настоящего космического корабля, бороздящего просторы Вселенной, мой твердый взгляд устремлен вперед, в неизвестность, чужие созвездия зовут меня туда, где все еще есть место для настоящего подвига... Да, кстати: о чем это я? Голова что-то совсем не своя, а на темени ощущается шишка настолько впечатляющих габаритов, что будь она автомобилем, а не комком органической материи, для нее смело можно было бы заказывать гараж. Господи, да что произошло-то? Так, прощание со свиномордым то ли директором, то ли владельцем охранно-розыскной фирмы — помню: сам всунул ему в лапы саквояж с деньгами. Что еще? Сирены — помню. Были сирены? Да, точно были. А потом? А дальше память девственно чиста, как новый лист, который еще не успел пожрать ксерокс. Спокойно. Главное — не нервничать. Сейчас все разъяснится, всего-то навсего надо открыть глаза.

Открываю. Вижу кусочек пола и чью-то ногу. А еще — здорово подванивает хлебом.

Знакомый такой запах, наводящий на весьма и весьма неприятные подозрения.

— Симониус?!

— Хе-хе! Я уж подумал было, что слегка перестарался.

— Может быть, хоть ты объяснишь мне, что здесь происходит?

Слегка повернув голову и подняв глаза чуть выше, я был вознагражден видом лоснящегося от пота свинячьего рыла своего недавнего сообщника. Тот, похоже, совсем неплохо себя чувствовал, вальяжно восседая в моем (*моем!!!*) командирском кресле в кают-компании.

— Что происходит? Да как бы это тебе сказать... Сейчас, на данный момент, уже ничего. Ты встать-то сам сможешь?

Смогу ли я встать? Между прочим, вполне закономерный вопрос. Я прислушался к ощущениям, привычно проводя диагностику своего многострадального организма. Так, новых переломов нет — по крайней мере, на руках и ногах, иначе наличествовало бы такое своеобразное чувство, будто твоя конечность туго окольцована невидимым стальным браслетом. Уже хорошо. Почки, печень? Тоже вроде бы порядок. А вот с головой не все так радостно. Стоило мне встать на колени — и комната завертелась вокруг меня как потерянная, пол же, норовя выскользнуть из-под ног, принялся выписывать такие замысловатые пируэты, что пришлось тотчас же сменить диспозицию, намертво впечатавшись в него пятой точкой. Чтобы никуда не деться, значит.

Ну, все понятно: простой шишкой здесь не обошлось — налицо явное сотрясение мозга энной степени тяжести. С этим мы определились. А со всем остальным как? Очень уж мне не нравились горящие ликованием глазки Симониуса.

— Рассказывай все как есть. — Глядя на свина снизу вверх, я ненароком заметил биту, прислоненную к креслу, и все части мозаики сложились сами. Бита... куда же без тебя, родимой. Преследуешь ты меня по всем уголкам Вселенной, как преследовала на Земле; неразрывно мы с тобою связаны. Этакая сладкая парочка. Батончик «Твикс».

— А рассказывать-то особо и нечего. От полиции мы оторвались, взлет корабля прошел успешно. Оторвались и от патрульного крейсера. Эта штука... летает гораздо быстрее, чем я ожидал. И еще: рад сообщить тебе, что планы у меня теперь поменялись. Я полечу с вами на родную планету твоей красотки, где сам, лично, сдам ее в заботливые руки одного из друзей, через которого и пройдет сделка по продаже чада Карама Берусперииона его политическим оппонентам.

— Значит, моих денег тебе оказалось мало?

— А разве их когда-то бывает много? — Недоумение так явно отпечаталось на пяたке свина, что заставило меня ухмыльнуться.

— Да, действительно.

Что тут скажешь? Я, пожалуй, на месте Симониуса поступил бы в точности так же, если бы... если бы это касалось кого угодно, но только не Эльвианоры. Почему-то мысль о том, что ее тонкой шеи с крошечной родинкой у правого уха коснется лезвие топора палача, вовсе не доставляла мне удовольствия и даже более того — ввергала меня в какой-то необъяснимый, панический ужас. Да что же это со мной, в самом деле? Ведь даже ребенку известно, что особам женского пола, а особенно блондинкам, голова для жизнедеятельности в общем-то и не нужна. На ней они носят замысловатые прически, делают ей макияж, и вообще производят целую уйму абсолютно бесполезных манипуляций вместо того, чтобы заниматься своими прямыми обязанностями по вынашиванию и воспитанию потомства.

Видимо, Симониус действительно перестарался и чересчур сильно приложил меня битой, раз уж мою голову посещают такие мысли.

— А что будет со мной?

— Ничего. Как только корабль окажется на поверхности планеты — иди себе на все четыре стороны.

— И ты меня вот просто так возьмешь да отпустишь?

— Хмм... Можно, конечно, и в рабство продать, да только после того, как твоя подружка принесет мне целое состояние, это было бы невежливо. По отношению к тебе, конечно. — Симониус вновь хихикнул. — Так что уже сейчас можешь ощущать себя скорее гостем, чем пленником! — С этими словами он повелительно кивнул кому-то невидимому, и чьи-то сильные руки подняли меня в воздух, придав телу, наконец, подобающее прямоходящим положение.

Вот так всегда: как только у тебя что-нибудь начинает налаживаться — обязательно происходит нечто такое, что ставит на всех твоих начинаниях жирную точку. И Антонины Семеновны, как назло, нет.

«Антонина Семеновна!!!» — в который раз мысленно позвал я своего лингвина, но в ответ получил лишь очередной приступ тошноты. Меня мутило уже второй день, а камера, точнее — одна из кают для экипажа, что выступала в роли оной, вовсе не стимулировала мое выздоровление. Скорее, наоборот: сидение в четырех стенах без притока свежего воздуха ощутимо выводило из равновесия, добавляя к мукам телесным еще и духовные. Да еще и мысли то и дело предательски возвращались к моей белобрысой попутчице, казалось, целую вечность назад подло умыкнувшей меня с самой лучшей и безопасной планеты во всей Вселенной — матушки-Земли. Интересно, как она там? Сидит, небось, тоже в одной из импровизированных камер и гадает: а жив ли вообще ее ангел-хранитель, легендарный герой, неумоимо спасающий ее от всяческих неприятностей?..

Стоп, спокойно. Безвыходных ситуаций не бывает. Итак, что мы имеем? А имеем мы господина Симониуса на *моем* корабле. И его охрану: точнее, четырех человек; хотя, конечно, назвать этих особей людьми можно разве что условно. А еще мы имеем камеру, из которой крайне желательно было бы выбраться. Вот с этого, пожалуй, и начнем. Полы, потолок и стены я уже проверил раз по двести. Дверь, естественно, тоже. Замок на ней стоит обычный, кодовый, и все бы ничего, если бы Симониус сам, собственноручно, не заблокировал доступ к коду с моей стороны. Нет, и здесь не вариант. Остается надеяться разве что на одного из охранников. Того, что приносит пищу стабильно три раза в день...

Дверь камеры внезапно отворилась, прервав мои пространные рассуждения. Вовнутрь, пошатываясь, бочком протиснулась туша прака с зажатой в правой лапище дымящейся тарелкой. Сейчас я по-новому взглянул на него. Ммм-да... Бугристая груда мышц, извечно оскаленная пасть, любезно демонстрирующая длинные шеренги зубов в четыре ряда, пуговики колючих глазок смотрят на узника с некоторой долей пикантной плотоядности. Дескать: поживи, пока я не проголодался. Ноги... Да, забыл сказать — их у прака ровным счетом три. Для этой задней ноги и место даже подобающее нашлось, ибо филейная часть прака несколько отличается от человеческой — она более... выдвинута назад, что ли; ну и по габаритам, естественно, побольше разика этак в полтора-два. Несомненно, именно для поддержания этой вот необъятной филейной части природа и озаботилась созданием, так сказать, органической подпорки. Ну если так, совсем уж образно выразиться, то походил

прак на смесь гориллы и паука-крестоносца, потерявшего в неравном бою большую часть своих лапок...

«Улыбайся! Улыбайся, кому говорят!!! А теперь расскажи ей, как она прекрасно выглядит!»

«Кто?..» — Я оторопело пялился на дверь, силясь рассмотреть за могучей спиной прака ту, о которой говорила сейчас внезапно вернувшаяся к жизни Антонина Семеновна.

«Она».

«Она-а-а?..» — Я едва не свернул себе шею, но зато теперь абсолютно, безоговорочно был убежден, что за спиной прака никого нет. Мой лингвин, видимо, получил весьма серьезные повреждения от удара битой, которой приложил меня по голове приснопамятный Симониус, и теперь то ли бредил, то ли вовсе лишился разума. А жаль. Я уже потихоньку начал привыкать к этому сквальжному существу, и в его отсутствие мне уже будто чего-то не хватало.

«Она самая. Ну что же ты за идиот-то такой? Охранник, который стоит сейчас перед тобой, на самом деле не самец, а самка прака. Причем, судя по запаху, половозрелая. — Впервые в голосе старой карги проскользнула капелька сочувствия. Хотя нет, показалось, наверное. — Заговори с ней. Прямо сейчас. Ну!!!»

— Э-э-э... хм. Су-су-сударыня! Ми-ми-миледи! Выглядите вы сегодня просто замечательно! А какие у вас прекрасные волосы!

Вот здесь я, как водится, переборщил. Черепушка у прака гладкая, как полированная столешница: ни волосинки на ней, ни шерстинки, складки одни только, да и те жировые. Зато, как ни странно, вернулось ко мне вдруг мое привычное красноречие, и язык сам уже, без помощи мозга, начал выдавать такие рулады, что крошечные глазки моей благодарной слушательницы поначалу изрядно округлились, а затем и вовсе выпучились так, что того и гляди лопнут.

— Это ты мне?

— Вам, конечно, вам. Кому же еще?

Голос у прака или прачки (не знаю уж, как будет правильнее) на удивление тонкий и чем-то даже приятный. Так поет бензопила, перед тем как вгрызться своими железными резцами в податливую древесную плоть.

— Спасибо. — Образина стыдливо потупила глазки и примолкла. Я же, воодушевленный тем, что меня до сих пор еще не съели, вновь принялся заливаться соловьем и заткнулся лишь тогда, когда громадные лапищи сгребли меня в охапку и прижали к могучему волосатому торсу, от которого здорово подванивало застарелыми потовыделениями. — Хороший чилавейко. Харрроший... Махама любить чилавейко. Чилавейко как звать?

— Илья.

— Махама любить Илья.

«Отлично: ну вот вы и познакомились. Как говорится, мир вам да любовь!»

«Антонина Семеновна, это вы о чем?..»

«Да так... сам скоро все узнаешь. Давайте заканчивайте свою семейную идиллию — пора выметаться, пока Симониус не прознал, откуда ветер дует».

Действительно. Пора бы. Я и сам, конечно, был не против, но прачка, похоже, и не думала отпускать свою добычу.

— Ммахамма... — промышчал я в подмышку существа, оказавшуюся в опасной близости

от моего носа, стараясь поэтому, чтобы голос мой звучал как можно более проникновенно. — Симониус хочет убить меня. Нам нужно бежать, прямо сейчас. Поможешь?

Хоть я и не видел, но готов был поспорить на что угодно: лоб этого несуразного гориллоподобного паукоида наверняка пошел морщинами от напряженной работы мысли.

— Симониус кормить Илья. Зачем Симониус убивать Илья?

— Симониус кормить Илья, а затем, когда Илья стать жирный, Симониус ловить Илья и сожрать!!!

На какое-то время прачка замерла, переваривая новую для себя информацию.

— Симониус сожрать Илья? — недоверчиво переспросила она.

— Да!

— Симониус платить Махама — хорошо. Симониус сожрать Илья — плохо.

По всему видно было, что существо все еще сомневалось, явно не зная, что предпринять. Затем, когда отчаяние уже охватило меня, его конечности наконец разжались:

— Махама убить Симониуса. Махама убить всех, а потом Илья делать гнездо и высиживать много-много маленьких хнапиков!

— Илья? — На Эльвианору любо-дорого было посмотреть. Широко распахнутые глаза, в которых, казалось, отражалось небо, будь оно случайно где-то неподалеку; пунцовые от возбуждения щечки, ямочки на этих самых щечках; точеная фигурка, которую только подчеркивает пусть и не роскошное платье, а всего лишь не первой свежести растянутая футболка; ноги... Эх, да что там — сегодня она превзошла даже саму себя, не говоря уже о... взгляд мой переместился чуть вправо, критически оценивая гигантскую трехногую особь, которая истуканом застыла у двери и злобными буркалами сверлила ту, ради которой я, собственно, и затеял нашу сомнительную кампанию по освобождению.

— Я так и знала, что ты придешь!

— Подходи осторожно, не делай лишних движений!.. — Заметив, что девушка вскочила с кровати, намереваясь меня обнять, я не на шутку струхнул. Кто знает, как отреагирует моя уродливая телохранительница на телесный контакт предмета своего обожания с особью противоположного пола?

— А что случилось?

— Потом, потом расскажу. Пойдем, времени совсем нет.

— Ну ладно, пошли. — Эльвианора послушно пристроилась рядом, принаравливаясь к заданному мной темпу движения, время от времени бросая украдкой заинтересованные взгляды на моего то ли провожатого, то ли конвоира. Если честно, я и сам затруднялся определить текущий статус Махамы. Да, она была полезна. Не просто полезна — помощь ее была неоценима, в чем я воочию убедился, увидев, как она голыми руками... ручищами расправилась сразу с двумя охранниками Симониуса. Но... как-то очень уж зловеще прозвучал тогда этот намек на гнездо. Уж не придется ли мне и вправду лично высиживать яйца этих самых хнапиков? Бред, конечно, но галактика велика и полна небывалых сюрпризов. Мало ли что... «А может быть, она шутит?» — мелькнула спасительная мысль и тут же упорхнула, стоило мне скосить глаза на хмурую физиономию прачки. Да нет, вряд ли.

[Купить полную версию книги](#)